
2007231689

ХЕРРОНЕСЪ (СЕВАСТОПОЛЬ) (*).

Херронесъ обязанъ своимъ происхожденіемъ Ираклія-Понтской колоніи, основанной жителями Мегары и

(*) Эту статью о Севастополѣ мы представляемъ въ извлеченіи изъ втораго, исправленнаго и умноженнаго изданія извѣстной книги Б. В. Кёне: «Изслѣдованія объ Исторіи и древностяхъ Херсонеса Таврическаго». Въ первый разъ это сочиненіе издано было на Русскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ въ 1849 году, и авторъ получилъ за него премію отъ Французскаго Института (Institut de France). Г. Кёне, во второмъ изданіи своего ученаго труда, преимущественно измѣнилъ и пополнилъ историческую его часть. Мы полагаемъ, что въ настоящее время не безъ любопытства прочтется Русскими читателями историческое изслѣдованіе о Севастополѣ. Кстати мы считаемъ пріятнымъ долгомъ объявить, что главный трудъ Г. Кёне, плодъ десятилѣтнихъ его изысканій, будетъ изданъ подъ заглавіемъ: «Музей покойнаго Князя В. В. Кочубея и изысканія касательно Исторіи и Нумизматики Греческихъ колоній въ Россіи и Царства Босфорскаго» (Musée de feu le prince B. Kotchoubey et recherches sur l'histoire et la numismatique des colonies grecques en Russie et du royaume du Bosphore Cimmérien). Изданіе этого труда приняла на себя вдова Князя — Княгиня Е. П. Кочубей. Первый томъ, въ которомъ представляется Исторія и Нумизматика городовъ Ольвіи, Херронеса, Пантикапеи и проч., уже совершенно оконченъ. Онъ будетъ заключать въ себѣ 55 печатныхъ листовъ in-4°, множество политипажей и кромѣ того 8 гравированныхъ и иллюстрированныхъ рисунковъ. Второй томъ, въ которомъ будетъ изложена Исторія Босфорскаго Царства, уже печатается. Къ нему приложится до 20 рисунковъ, изображающихъ монеты и другія древности, найденныя въ Крыму. Все сочиненіе будетъ окончательно издано въ началѣ 1856 года. *Прим. Ред.*

Тапары во времена Кира. Ираклія была митрополіею многихъ городовъ, особенно по берегамъ Чернаго моря, и гордясь этимъ, называла себя на многихъ своихъ медаляхъ ΜΑΤΗΡ ΑΠΟΙΚΩΝ ΠΟΛΙΩΝ (матерью колоній). Вѣроятно, въ то время, когда Делосъ и другіе острова Архипелага свергли Персидское иго, около 500 г. до Х. Р. и почти сорокъ лѣтъ спустя послѣ основанія этой колоніи, Ираклійцы соединились съ Делійцами, чтобы построить городъ на Ираклійскомъ полуостровѣ — южной оконечности Тавриды. Они давали этому городу имя самаго полуострова (Херронесъ); называли его также, хотя и рѣже, то Иракліей — по имени митрополіи, то Мегарикой — отъ Мегары, метрополіи Иракліи, и, такъ сказать, первой митрополіи Херронеса.

У древнихъ было въ обыкновеніи приписывать основаніе городовъ богамъ или славнымъ героямъ. Херронесъ обязанъ своимъ началомъ также божеству, по свидѣтельству Помпонія Мелы, Артемидѣ, и въ самомъ дѣлѣ, въ одной надписи Херронесъ называется παρθενοκλῆς (знаменитой Дѣвою) т. е. Артемидой, которая была почитаема въ этихъ странахъ подъ именемъ Дѣвы. Это древнее туземное божество, играющее роль и въ Исторіи Ифигеніи, Греки приняли за Артемиду, и въ такомъ видѣ изобразили его на всѣхъ памятникахъ.

Молчаніе Геродота о Херронесѣ еще не доказываетъ, что этотъ городъ не существовалъ въ его время: онъ былъ только малъ и незначителенъ. Городъ былъ построенъ первоначально на четвероугольной скалѣ, которая, по словахъ Стровона, находилась между мысомъ Дѣвы (Παρθένιον) и гаванью Символовъ; во время безыменнаго періэгета, городъ былъ уже разрушенъ, и его развалины были,

вѣроятно, употреблены для построенія новаго города. Но въ царствованіе Императрицы Екатерины II, Палласъ нашелъ еще слѣды этой колоніи, оставленной вскорѣ по ея основаніи (*). Позднѣе здѣсь выстроены были загородные домы и караульни, немногіе остатки которыхъ уцѣлѣли до сихъ поръ.

Первые немногіе поселенцы выбрали это мѣсто потому, что, не отдѣлясь совершенно отъ моря, они не были подвержены и нападеніямъ пиратовъ, которыхъ здѣсь очень боялись. Портъ древняго города былъ, вѣроятно, въ Камышевой бухтѣ или въ *тройной* гавани. Въ послѣдствіи, когда жители Херронеса усилились, они могли рѣшиться на выборъ другаго мѣстопребыванія, представлявшаго болѣе выгодъ для торговли — главнаго ихъ занятія. Это новое мѣсто не должно было быть слишкомъ далеко отъ стараго города: потому что переселеніе представило бы тогда большія затрудненія и могло бы совершиться только мало-по-малу. Оно должно было, прежде всего, находиться на берегу моря и близко къ удобной гавани. Всѣ эти выгоды соединяло мѣстоположеніе втораго Херронеса, находившагося, какъ и первый, на Ираклійскомъ полуостровѣ, который назывался также Малымъ Херронесомъ, и отдѣлялся отъ стараго полосой земли длиною въ 40 стадій, оканчивавшейся заливами Символовъ и Ктенусъ. Вотъ

(*) Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Stadthalterschaften des Russischen Reiches, II, 68. Путешественники Клеркъ (Klarke), Миссъ Гютри (Guthrie) и Дюбуа подтверждаютъ мнѣніе Палласа. Но послѣдній уже не нашелъ этихъ развалинъ, которыя употреблены были для разныхъ построекъ нынѣшнимъ владѣтелемъ этого мѣста. Voyage autour du Caucase VI, p. 183. См. также статью: «Древности Ираклійскаго полуострова» въ Журн. Мин. Внутрен. Дѣлъ 1847, Іюль стр. 91—116.

пространство, указанное географами для Херронеса; по словамъ Стравона, дорога вдоль берега между Херронесомъ и Тирасомъ заключало 3400 стадій.

Арріанъ помѣщаетъ городъ между заливомъ Символовъ и Каркинитой. За тѣмъ у него отмѣчена другая гавань (вѣроятно Κτένους), Тамираки (Ταμυράκη) и другія извѣстныя мѣста. Безъименный древній географъ сообщаетъ разстоянія Херсона отъ другихъ мѣстностей страны, но новѣйшія измѣренія полковника Лапи (Lapie) представляютъ очень значительную разницу съ его числами, и она можетъ быть объяснена только тѣми измѣненіями, которыя въ теченіе столькихъ вѣковъ потерпѣла земля, особенно у береговъ, отъ удаленія или возвышенія морскихъ водъ.

Въ послѣдствіи, разысканія Палласа, Габлица и З. А. Аркаса не оставили никакого сомнѣнія о мѣстѣ Херронеса. Онъ находится между Стрѣлецкой бухтой на востокѣ и Карантинной на западѣ, отдѣляясь отъ древняго города пространствомъ около 7 верстъ. На планѣ, который былъ составленъ 1786 г. Габлицемъ для Императрицы Екатерины II, видно, что тогда можно еще было различить улицы города. Ихъ было 15 маленькихъ и большихъ, параллельныхъ берегу моря и правильно пересѣченныхъ 23 другими улицами. На двухъ концахъ, входившихъ въ море, были предмѣстія, заселенныя рыбаками. На одной изъ построекъ, выдавшейся въ море, миссъ Марія Гютри видѣла, на значительной высотѣ отъ земли, желѣзныя кольца, служившія для привязыванія судовъ, и показывающія теперь, на сколько понизилась съ того времени поверхность моря. Дюбуа сообщаетъ нѣсколько рисунковъ развалинъ, остатковъ стѣнъ, башенъ

и «прекрасной гавани». Онъ отыскалъ главную улицу, которая, начинаясь у малаго перешейка, проходила черезъ весь городъ; малыя ворота у гавани предмѣстья Сузы, нѣкоторые остатки храмовъ и другихъ общественныхъ построекъ, наконецъ различныя дороги, ведущія въ Палакіонъ, къ мысу Парѳеніонъ и къ старому Херронесу. Р. Коль (*) упоминаетъ только объ однихъ воротахъ города, нѣсколькихъ стѣнахъ или оградахъ четвероугольной формы, о слѣдахъ улицъ, колодцѣ, подземельи одной церкви и пр.

Гораздо важнѣе изслѣдованія З. А. Аркаса. По словамъ его, развалины новаго Херронеса начинаются въ двухъ верстахъ на Западъ отъ Севастополя и занимаютъ пространство 274 саженъ, — что вовсе не соотвѣтствуетъ древнему могуществу города; это доказываетъ только, что при Византійскихъ императорахъ (къ этому времени относятся развалины), городъ былъ уже незначителенъ. Пространство, которое занято было Херронесомъ, возвышается въ сѣверной своей части на 20—24, и въ южной — слишкомъ на 46 футовъ надъ поверхностью моря. Вообще окружность всей полосы земли, на которой находился городъ, заключаетъ только 1350 футовъ, съ 38 футами средней высоты надъ поверхностью моря.

Немногіе остатки стѣнъ въ западной части города еще сохранились; З. А. Аркасъ сообщаетъ рисунки ихъ. Стѣны эти были въ толщину отъ 8 до 10 футовъ, а въ вышину — отъ $2^1/_2$ до 4 саженъ. Онѣ построены изъ твердаго известняка, въ 8—13 горизонтальныхъ слоевъ, положенныхъ одинъ на другой; средняя вышина слоевъ три четверти аршина. Промежутки между ними наполня-

(*) Reise im südlichen Russland.

ли мелкими кусками известковаго камня, песчанаго базальта и мрамора, сцѣпляя ихъ цементомъ изъ извести, мелкихъ камушковъ и измельченнаго кирпича. На концахъ стѣны возвышалось восемь круглыхъ башенъ, въ діаметрѣ 8 саженъ; двѣ изъ нихъ, обращенныя на Ю. и на Ю. В., сохранились отчасти до сихъ поръ. Снаружи стѣны укрѣплены были окопами, слѣды которыхъ еще видны.

Изъ воротъ уцѣлѣли западныя, очень небольшія, у каменной пристани, которыя, по мнѣнію Дюбуа, находились подлѣ дома Ламаха и вели къ гавани Суза.

На сѣверной сторонѣ было двѣ пристани, отдѣленныя одна отъ другой пространствомъ въ 150 саженъ. Между ними стояла башня, развалины которой можно замѣтить и теперь. Первая пристань, устроенная изъ известковыхъ камней, соединенныхъ цементомъ, имѣетъ три сажени въ длину и столько же въ ширину; шестнадцать ступеней отдѣляютъ ее отъ моря. Другая была очень не велика.

Улицы почти совершенно разрушены; главная изъ нихъ имѣла въ ширину только три сажени. Камни употреблены были на постройку гавани въ Севастополѣ и города, но еще видны кое-какіе остатки маленькихъ церквей, съ алтарями, обращенными на Востокъ, и съ могилами, которыя покрыты мраморными досками съ изображеніемъ креста. Въ могилахъ найдены были скелеты, монеты, стеклянныя кольца разныхъ цвѣтовъ и другія украшенія.

Церковь, сохранившаяся лучше другихъ, есть, вѣроятно, храмъ Божіей Матери, въ которомъ былъ крещенъ Владиміръ Равноапостольный. Она возвышается, въ видѣ креста, на холмѣ въ 27 ф. вышины и 50 ф. въ окружно-

сти; длина ея 18 аршинъ; главный алтарь обращенъ къ Востоку; на обѣихъ сторонахъ его — небольшіе боковые придѣлы, каждый съ двумя входами. Расчищая помостъ церкви, нашли на мраморныхъ плитахъ остатки колоннъ, украшенныхъ крестами, и расширяющихся въ основаніи.

А. З. Аркасъ изслѣдовалъ также постройки для снабженія города водою: цитерны и колодцы во внутренности города и у воротъ, и одинъ водопроводъ, который тянется до самаго источника, выходящаго изъ земли въ $7^1/_2$ верстахъ отъ города, почти на половинѣ дороги изъ Севастополя къ монастырю Св. Георгія Глиняныя трубы, въ діаметрѣ восемь дюймовъ, лежатъ въ землѣ на четыре фута отъ поверхности. Этимъ водопроводомъ воспользовался Владиміръ при осадѣ Херронеса.

Раскопки, произведенныя недавно подъ наблюденіемъ Гр. А. С. Уварова, по распоряженію Графа Л. А. Перовскаго, привели между прочимъ къ открытію великолѣпной мозаики изъ твердаго камня, которая была украшеніемъ одного языческаго храма, обращеннаго въ послѣдствіи въ церковь. Эта мозаика, по Высочайшему повелѣнію, доставлена въ С. Петербургъ.

Въ Херронесѣ найдено большое количество монетъ, между прочимъ нѣсколько сотъ мѣдныхъ монетъ Василія I; золотыя и серебряныя попадаются рѣдко Миссъ Гютри упоминаетъ о золотой статири Филиппа II Македонскаго, Палласъ —объ одной Тазосской тетрадрахмѣ съ головой Діониса и съ Иракломъ Сотеромъ на оборотѣ, около III вѣка до Р. Х., о монетахъ Босфорскаго Царства отъ Котиса II до Рескупориса VII, о Римскихъ монетахъ серебряныхъ и мѣдныхъ, отъ Августа до Констанція, наконецъ объ одной Сербской монетѣ, Императора Стефана, выбитой въ Каттаро, между 1326

и 1356 г. По этимъ памятникамъ можно судить о томъ, съ какими землями имѣлъ Херсонъ торговыя сношенія.

Положеніе Херронеса было очень выгодно: три гавани облегчали его торговлю. Къ Востоку была гавань Символовъ (τῶν Συμβόλων), теперь Балаклавскій портъ. Маннертъ переводитъ это довольно темное выраженіе древнихъ «гавань условія или добраго предназнаменованія»; но Греческое слово означаетъ торговый договоръ между двумя народами, и въ такомъ смыслѣ это выраженіе кажется должно быть принято и здѣсь; въ Периплѣ Безименнаго гавань названа εὐβούλου λιμήν (добраго совѣта) или συμβούλον (общаго совѣта). Дюбуа видитъ въ ней гавань Лестригоновъ Одиссеи и говоритъ, что положеніе ея, особенно узкій входъ, совершенно сходно съ описаніемъ Гомера; въ типѣ нѣкоторыхъ монетъ Херронеса много похожаго на то изображеніе, въ которомъ Греческое искусство представляетъ Улисса. Настоящее названіе порта Балаклавы производятъ отъ укрѣпленія Палакіонъ, построеннаго царемъ Скилуромъ и названнаго такъ по имени сына его (Palakos); но другіе думаютъ, что Палакіонъ стоялъ на мѣстѣ нынѣшняго Бахчисарая. Во время Генуэзскаго владычества, портъ носилъ имя Cembalo, Cimbalo; Татары называли его Zembaro. Онъ защищенъ былъ укрѣпленнымъ замкомъ, завоеваннымъ въ 1365 г. Генуэзцами, которые владѣли имъ до 1475, когда онъ перешелъ въ руки Турокъ.

Еще значительнѣе былъ Ктенусскій портъ, занимавшій внутреннюю часть большаго Севастопольскаго порта. Палласъ нашелъ здѣсь нѣкоторые слѣды стѣнъ и воротъ; тамъ еще видны и остатки каменнаго моста, соединявшаго берега Черной-рѣчки (Біюкъ-узенъ).

Эти важныя гавани устроены были, вѣроятно, самимъ городомъ, и нѣтъ сомнѣнія, что тутъ были хорошія укрѣпленія для защиты отъ нападеній варваровъ. Но Херронесъ имѣлъ еще третью «прекрасную» гавань, названную такъ въ нѣкоторыхъ изданіяхъ Стравона, у Птолемея, Помпонія Мелы, Арріана и въ Периплѣ неизвѣстнаго. Правда, въ другихъ изданіяхъ Стравона, напр. у Крамера, вмѣсто καλὸς, стоитъ καὶ ἄλλος λιμὴν «и другая гавань», и издатели отвергаютъ исправленіе Казанбона, принятое и Маннертомъ, но слова Стравона не противорѣчатъ другимъ свидѣтельствамъ, которыя мы приводили. Эта «прекрасная гавань», по Арріану и неизвѣстному древнему географу, находилась въ 700 стадіяхъ отъ Каркиниты или скорѣе отъ гавани этого имени. И изъ словъ Стравона, что «если выйти изъ гавани, то на лѣвой сторонѣ находится малый городъ и прекрасная гавань Херронеса», видно, что «прекрасная» гавань должна находиться на Сѣверѣ отъ Херронеса: потому что за тѣмъ знаменитый географъ описываетъ береговыя мѣста, идя къ Югу и восходя по восточному берегу полуострова. Какимъ же образомъ гавань эта могла находиться между Тамираке (*) и Херронесомъ, если отъ этого города до залива Каркиниты было 600 стадій, и кромѣ того между этимъ заливомъ и «прекрасною гаванью» еще 100 стадій? Если мы пересѣчемъ въ прямомъ направленіи море и небольшой полуостровъ, оканчивающійся въ Тамираке, то достигаемъ Татарской деревни Бакалъ, гдѣ начинается гавань Каркинита. Это разстояніе занимаетъ около 600 стадій

(*) Тамираке, на западной оконечности Крыма, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь поселки Тархавкутскій и Рыбный.

или 100 верстъ. Отсюда до Тамираке около $73^1/_3$ верстъ, т. е. почти 400 стадій, указанныхъ географомъ. Отъискивая отъ Тамираке гавань по западному берегу Крыма, мы найдемъ на разстояніи ровно 300 стадій или 55 верстъ гавань Евпаторіи, находящейся вѣроятно на мѣстѣ древняго города того же имени, который во время Стравона былъ такъ незначителенъ, что онъ обозначаетъ его только какъ «маленькій городокъ» πολίχνη, не называя его по имени. Онъ, можетъ быть, и зналъ имя Евпаторіи; но какъ въ другомъ мѣстѣ было укрѣпленіе того же или подобнаго имени, и свѣдѣнія его объ этой части Крыма были очень не полны, то онъ счелъ за лучшее не называть маленькаго городка, построеннаго у «прекрасной» гавани, чтобъ не сдѣлать какой-нибудь ошибки.

Трудность этого мѣста устраняется, если мы обратимъ вниманіе на то, что въ одномъ случаѣ дѣло идетъ о прямой дорогѣ между гаванью и Херронесомъ, а въ другомъ — о дорогѣ вдоль берега.

Слѣдовательно «прекрасная» гавань во время Стравона также принадлежала Херронесу. Но словамъ Стравона противорѣчитъ извѣстіе безъименнаго географа, который иначе опредѣляетъ отношеніе «прекрасной» гавани и залива Каркиниты; однакожь это противорѣчіе надобно, кажется, объяснить тѣмъ, что подъ этимъ послѣднимъ именемъ онъ соединяетъ нынѣшнюю гавань Некрополи и сѣверную часть залива Каламита; мы получимъ пространство его береговъ (2250 стадій), начиная считать отъ Козлова.

«Прекрасная» гавань была мѣстомъ торговли, устроеннымъ въ особенности для облегченія сношеній со Ски-

ѳами, земли которыхъ доходили до этого мѣста. Въ случаѣ войны, удержать его было довольно трудно по причинѣ отдаленности отъ главнаго города; тогда нужно было защищать преимущественно Ираклійскій полуостровъ, и съ этою цѣлью жители Херронеса построили стѣну между заливами и Ктенурскимъ Символовъ. Эта стѣна Херронесцевъ сдѣлана была изъ большихъ необтесанныхъ камней, соединенныхъ одною своей тяжестью безъ цемента; кромѣ того она укрѣплена была рвомъ и башнями; длина ея была 40 стадій (около $7^1/_3$ верстъ). Стѣна была прекраснымъ средствомъ для защиты отъ нападеній Скиѳскихъ наѣздниковъ: она давала жителямъ возможность и въ военное время заниматься торговлей и обработкою полей. Караулы, разставленные на башняхъ и у воротъ стѣны, предупреждали о приближеніи непріятеля, и всѣ собирались для отраженія его. На морѣ Скиѳы были не опасны, и торговыя выгоды всегда приводили въ Херронескіе порты столько кораблей, что не было никакого труда прогнать пиратовъ.

Стѣна была построена, вѣроятно, вскорѣ по основаніи новаго города, время котораго трудно опредѣлить съ точностью, и во всякомъ случаѣ, ранѣе эпохи Скиѳскаго могущества, — именно ранѣе Скиѳскаго царя, современника царицы Амагеи и гораздо прежде Скилура: потому что тогда Скиѳы не допустили жителей Херронеса оставить старый городъ и основаться на мѣстѣ новаго. Еще до Скилура Херронесъ, не имѣя силъ защититься отъ сосѣднихъ Скиѳовъ, обратился къ знаменитой супругѣ Сарматскаго царя Медозака, Амагеѣ, которая взяла на себя управленіе своимъ народомъ, вмѣсто мужа, преданнаго пьянству и разврату. Эта часть Сарматовъ населяла

земли на сѣверо-восточномъ берегу Понта Эвксинскаго. Амагея царствовала справедливо, отразила враговъ, подала помощь угнетеннымъ и пріобрѣла большую славу у всѣхъ сосѣдей. Она приказала Скиѳскому царю въ Херронесѣ оставить въ покоѣ городъ этого имени, и когда онъ не обратилъ на слова ея никакого вниманія, Амагея собрала сто двадцать самыхъ храбрыхъ и сильныхъ воиновъ, дала каждому по три лошади, и сдѣлавши въ двадцать четыре часа путь въ 1200 стадій, напала неожиданно на царскій дворецъ. Захваченные врасплохъ непріятелемъ, малочисленность котораго они не успѣли замѣтить, царь, его стража и друзья были умерщвлены. Землю его Амагея отдала жителямъ Херронеса, но возвратила престолъ убитаго царя его сыну, посовѣтовавъ ему вспоминать о прошедшемъ, царствовать правосудно и не безпокоить больше ни Грековъ, ни сосѣднихъ варваровъ. Объ этомъ событіи упоминаетъ одинъ Поліенъ; и мы не знаемъ, былъ ли этотъ царь одинъ изъ поименованныхъ въ исторіи Ольвіи, или просто начальникъ одного поколѣнія своего народа? Скилуръ, напротивъ, былъ царемъ всѣхъ воиновъ отъ Ольвіи до Херсонеса. Ни этотъ городъ, ни Перизадъ III, царь Босфора Киммерійскаго, не могли ему противиться, и оба, для освобожденія отъ варваровъ, просили помощи у Митридата Евпатора, въ то время самаго могущественнаго государя. Полководцы Понтскаго царя, Діофантъ и Неоптолемъ, занявъ крѣпости Палакіонъ, Неаполисъ, и др., выгнали изъ Крыма Скиѳовъ вмѣстѣ съ ихъ союзниками Роксоланами. Рѣшительное сраженіе дано было у стѣны, между заливомъ Символовъ и Ктенутскимъ. Для обезпеченія Херронесу солянаго озера, Діофантъ основалъ

укрѣпленный замокъ Евпаторіонъ (Евпаторія) и соединилъ его посредствомъ вала въ 15 стадій съ главною стѣной. Гг. Муравьевъ-Апостолъ и Дюбуа, считая ошибочнымъ мѣсто Птолемея, гдѣ Евпаторіонъ означенъ недалеко отъ нынѣшняго Козлова, думаютъ, что это укрѣпленіе Діофанта стояло на платформѣ, господствующей надъ Севастопольскимъ портомъ, около Инкермана. Но это противорѣчитъ указаніямъ Стравона, и мѣсто древняго Евпаторіона должно искать немного дальше, можетъ быть, около Ахтіара. Весь валъ, отъ Евпаторіона до Палакіона и гавани Символовъ, занималъ такимъ образомъ 55 стадій или $10\frac{1}{2}$ верстъ. (*)

Митридатъ назначилъ правителемъ Босфора сына своего Махареса, назвавъ его царемъ этой страны. Стравонъ говоритъ, что ему былъ подвластенъ и городъ Херронесъ. Налоги, которые Митридатъ собиралъ на полуостровѣ, были не велики и составляли только 180 тысячъ медимновъ пшеницы и 200 талантовъ серебра, — сумма, недостаточная даже для содержанія войска, оставленнаго имъ для защиты полуострова.

Между тѣмъ начались войны съ Римлянами; воины этого царя, побѣдители варваровъ не могли съ такимъ же успѣхомъ стоять противъ Римскихъ легіоновъ. Напрасно Митридатъ вступалъ въ союзы съ прежними своими врагами — Скиѳами и Сарматами; напрасно истребилъ онъ въ Азіи 80,000 Римлянъ: Силла, Лукуллъ и Помпей уничтожили его войска, и принудили его оставить Азію.

(*) Не надобно смѣшивать этотъ Евпаторіонъ съ городомъ Евпаторіей, который находился, какъ мы прежде замѣтили, на мѣстѣ нынѣшняго города того же имени.

Митридатъ отправился въ Тавриду, надѣясь на помощь сына; но Махаресъ отказалъ ему въ этомъ, и когда отецъ его проникъ въ Дунайскія провинціи, онъ удалился въ Херронесъ и сжегъ галеры, чтобы лишить Митридата средствъ къ преслѣдованію. Но Митридатъ велѣлъ снарядить другіе корабли, и Махаресъ, чтобы не попасться въ его руки, кончилъ жизнь самоубійствомъ послѣ четырнадцатилѣтняго царствованія въ Босфорѣ Киммерійскомъ.

Въ послѣдствіи, когда вновь побѣжденный Митридатъ увидѣлъ себя принужденнымъ уйти въ Крымъ, онъ встрѣтилъ тамъ предателей. Одна изъ его женъ, Стратоника, сдала Помпею сильное укрѣпленіе близъ Пантикапеи; полководецъ царя, Касторъ, овладѣлъ цитаделью Фанагоріи, гдѣ захватилъ многихъ дѣтей своего государя; Херронесъ, Нимфеонъ, Ѳеодосія покорились Римлянамъ.

Рядъ этихъ бѣдствій еще не уничтожилъ однакожь мужества этого царя; соединившись съ Сарматами и Роксоланами, онъ возвратилъ часть Босфора и строго наказалъ измѣнниковъ. Но когда онъ готовился напасть въ самой Италіи на Римлянъ, противъ которыхъ онъ поклялся въ вѣчной ненависти, сынъ его Фарнакъ возмутилъ войско и заставилъ короновать себя въ глазахъ отца, заключеннаго въ стѣнахъ Пантикапеи. Не имѣя уже настоящей короны, онъ удовольствовался листами папируса, похожими своей формой на діадему. Послѣ тщетныхъ стараній побѣдить сына просьбами, старый царь пронзилъ себя мечемъ при помощи одного Галльскаго воина (въ 63 г. до Р. Х.).

Херронесъ, вскорѣ послѣ побѣды Помпея, былъ занятъ Римлянами, принадлежавъ Понтійскимъ царямъ около полувѣка.

Единственными памятниками искусства, относящимися къ первой эпохѣ исторіи Херронеса, остались нѣсколько надписей и медалей.

Самая любопытная изъ надписей — памятникъ благодарности, воздвигнутый въ честь Агазиклета за его многочисленныя услуги городу. Изъ нея видно, что Агазиклетъ учредилъ и снарядилъ стражу, обезпечилъ воздѣлываніе винограда, построилъ стѣны, возобновилъ рынокъ, что онъ былъ полководецъ и жрецъ, начальникъ гимназіи и наблюдатель за торговлею. Стражею этой былъ отрядъ который долженъбылъ наблюдать за безопастостью городскихъ земель, тогда окруженныхъ варварами. Это было начало постояннаго войска изъ солдатъ, назначенныхъ только длявоенной службы; обыкновенно же Греки, въ случаѣ нужды, составляли войско изъ гражданъ, которые, по заключеніи мира, снова возвращались къ своимъ занятіямъ.

Второе извѣстіе говоритъ, что Агазиклетъ принялъ мѣры, чтобы защитить воздѣлывателей винограда отъ нападеній варваровъ. Онъ возобновилъ стѣны или часть стѣнъ: потому что поставленное здѣсь Греческое слово еще не показываетъ, что онъ построилъ новыя стѣны. Напротивъ, стѣны были очень важны для Греческихъ городовъ, особенно для тѣхъ, которые находились въ земляхъ варваровъ, и сооружены были, вѣроятно, задолго прежде.

Не надобно, впрочемъ, думать, чтобы Агазиклетъ дѣлалъ всѣ эти постройки на свой счетъ; въ такомъ случаѣ, это обстоятельство было бы непремѣнно замѣчено, какъ сдѣлано напримѣръ въ надписи Протогена въ Ольвіи, изданной покойнымъ Кёлеромъ, и П. П. Кёппеномъ

и Гр. А. С. Уваровымъ. Онъ произвелъ ихъ, вѣроятно, по своей должности протевона и по той же причинѣ поставилъ свое имя на выбитыхъ въ его управленіе монетахъ, изъ которыхъ иныя еще сохранились.

Монеты Херронеса чрезвычайно важны еще въ томъ отношеніи, что по нимъ мы можемъ составить себѣ понятіе о томъ, какія божества почитаемы были въ этомъ городѣ. У Грековъ было обыкновеніе представлять на монетахъ изображенія боговъ, храмы, различныя эмблемы ихъ вѣрованій, основателей города, наконецъ типы, напоминающіе торговлю и важнѣйшія занятія гражданъ.

По Херронескимъ монетамъ главными божествами этого города были Артемида, Аполлонъ, Геркулесъ, Паллада и Афродита.

Артемида представляется во многихъ различныхъ видахъ. На нѣкоторыхъ монетахъ видна только голова богини съ распущенными волосами, или связанными на затылкѣ, или съ лавровымъ вѣнкомъ, или родомъ платка, который называется κεκρύφαλος или, съ діадемой и проч. На другихъ монетахъ мы находимъ фигуру Артемиды вполнѣ, въ четырехъ различныхъ видоизмѣненіяхъ одной главной формы. Необходимою спутницей ея служитъ лань; вооруженіе состоитъ изъ дротика или изъ лука и стрѣлъ.

Лань, которою здѣсь постоянно сопровождается Артемида, есть лань горы Кериниты въ Аркадіи. Авзоній (въ XIX идилліи) придаетъ ей золотыя рога и мѣдныя ноги. Она очень часто изображается вмѣстѣ съ богиней на древнихъ памятникахъ, именно на Херронескихъ монетахъ; она бѣгала такъ быстро, что догнать ее могъ только Геркулесъ.

Изъ Херронескихъ монетъ можно поэтому вывести по крайней мѣрѣ два различные типа Артемиды, которые оба относятся къ Греческой эпохѣ; они даютъ намъ понятіе о такихъ же изображеніяхъ, помѣщенныхъ въ храмахъ Херронеса, — города, главнымъ образомъ преданнаго почитанію этой древнѣйшей туземной богини. Стравонъ называетъ ее «Дѣвой» и упоминаетъ о храмахъ ея въ городѣ и на мысѣ, носившемъ ея имя, гдѣ было ея изображеніе, сдѣланное изъ дерева.

Эта же богиня у другихъ называется Ορειλόχη (обитающая въ городѣ) — названіе, вѣроятно составленное Греками по образцу подобнаго варварскаго слова; пріурочивая это туземное божество къ своимъ національнымъ понятіямъ, Греки назвали его Артемидою, находя большое сходство въ богинѣ варваровъ съ дочерью Лето.

Храмъ Артемиды-Дѣвы въ самомъ городѣ находился, можетъ быть, на мѣстѣ Н, по плану, приложенному къ нашему сочиненію объ Исторіи Херронеса Въ послѣдствіи здѣсь была Христіанская церковь, построенная на развалинахъ древняго храма. Г. Дюбуа видѣлъ еще его стѣны, остатки колоннъ съ желобками, базы, Іонійскія капители и другіе обломки, доказывающіе необыкновенную прелесть древняго зданія, украшавшаго нѣкогда это мѣсто. Мысъ Партеніонъ соединялся съ городомъ дорогой, слѣды которой еще сохранились. Г. Дюбуа признаетъ ее единственнымъ мѣстомъ этого берега, гдѣ можно приблизиться къ морю, и откуда Скиѳы могли помогать потерпѣвшимъ кораблекрушеніе, которыхъ потомъ приносили въ жертву своему божеству. Здѣсь стоитъ Генуэзскій монастырь Св Георгія, построенный на небольшомъ оазисѣ среди скалъ чернаго базальта; онъ, быть можетъ, основанъ на развалинахъ

древняго храма. Христіане любили ставить свои церкви на мѣстѣ языческихъ храмовъ, — и прекрасная капитель колонны изъ Египетскаго мрамора, краснаго съ бѣлыми пятнами, найденная здѣсь, подтверждаетъ мнѣніе Г. Дюбуа. Эта капитель, находящаяся въ Императорскомъ Музеѣ (Керченская зала № 99), принадлежитъ эпохѣ Константина Великаго, и доказываетъ, что въ то время стоялъ здѣсь языческій храмъ

Но эта Артемида-Дѣва имѣла и другія святилища на полуостровѣ. По словамъ Скимна Хіосскаго, исторія Ифигеніи и Ореста происходила совершенно въ другомъ мѣстѣ полуострова. Это былъ мысъ, называвшійся κριοῦ μέτωπον (бараній лобъ), напротивъ мыса Карамбисъ, въ Пафлагоніи. Г. Дюбуа отыскалъ этотъ мысъ и признаетъ сходство его съ головой барана. Недалеко отсюда лежитъ долина Партенитъ, имя которой показываетъ, что здѣсь былъ храмъ. Вѣроятно, здѣсь приносили въ жертву чужеземцевъ, убивая ихъ палицами, и бросая въ море ихъ обезглавленные трупы; головы вѣшали на деревьяхъ около храма.

Въ разсказѣ древнихъ о пребываніи въ Тавридѣ дочери Агамемнона Ифигеніи, довольно много запутанности, и оттого трудно его понять. Вспомнимъ, что Ифигенія назначена была въ жертву Артемидѣ, и что особенно у Доріійцевъ есть очень древніе слѣды Артемиды, требующей человѣческихъ жертвъ. Таковы были на-пр. Артемида Мегалопольская, Артемида рѣки Амлиха, около Патръ, въ Ахаіи, и др. Но человѣческое чувство скоро было возмущено этимъ свирѣпымъ обычаемъ, и онъ исчезъ; вѣроятно, сами жрецы спасли Ифигенію и отослали ее въ Тавриду, и путешествіе Ореста могло имѣть цѣлью только отысканіе потерянной сестры. Но какъ объяснить слова Геродота и

другихъ, что самой Ифигеніи, дочери Агамемнона, приносили въ Тавридѣ человѣческія жертвы?

Исторія могла бы допустить только Ифигенію, какъ председательницу при этихъ жертвоприношеніяхъ въ качествѣ жрицы Артемиды; но древніе миѳы, обыкновенно иноземные и заимствованные, ясно говорятъ о почитаніи Ифигеніи. Въ Кипрскихъ поэмахъ находимъ, что Ифигенія, принесенная въ жертву Артемидѣ, была унесена самою богиней въ Тавриду и получила отъ нея даръ безсмертія. Артемида замѣнила ее ланью, или, по Фанодему, медвѣдицей, или даже, по Никандру, быкомъ. Безсмертною, какъ Геката, Ифигенія представляется уже у Гезіода; Антонинъ Либералисъ, въ позднѣйшемъ сказаніи (Metamorph., 27), также говоритъ о безсмертной Ифигеніи, которая была похищена богиней и приведена къ Тоасу (Thoas), сыну Борисѳена. Въ послѣдствіи Артемида перенесла ее на островъ Левки (Leuke), дала ей вѣчную юность и безсмертіе и соединила съ Геркулесомъ. Она была почитаема на этомъ островѣ подъ именемъ Орилохіи. Такимъ образомъ Ифигенія, съ одной стороны, приводится въ связь съ Таврійской богиней, и съ другой стороны имѣетъ отношеніе къ миѳу Ахилла, принадлежащему менѣе отдаленной эпохѣ.

Не станемъ повторять исторію дѣтства Ифигеніи съ братомъ ея Орестомъ и замѣтимъ только, что свѣдѣнія о бѣгствѣ Ифигеніи объясняютъ распространеніе почитанія Таврійской Артемиды .Сходя на берегъ въ Бравронѣ и въ Галахъ (Halae Araphenides), Ифигенія оставила тамъ древнее изображеніе богини, сдѣланное изъ дерева, и принята была въ героическую генеалогію подъ именемъ дочери Тезея и Елены. Были и другія деревянныя изображенія Артемиды, Таврійскаго происхожденія, но во всякомъ случаѣ

почитаніе Ортійской или Ортозійской Артемиды въ Аркадіи древнѣе бѣгства Ифигеніи, если даже, какъ это доказываетъ весь миѳъ, она была въ началѣ чуждымъ божествомъ. Та же богиня почитаема была въ Элидѣ на Ликонійской горѣ, въ Аттикѣ, въ Мегарѣ и Византіи, и обожаніе вездѣ было очень древнее.

Только это Греческое почитаніе богини, принимающей человѣческія жертвы, могло побудить Грековъ Таврійскаго полуострова признать туземное божество за Артемиду. Древнія отношенія Гиперборейцевъ къ Делосу и почитаніе Артемиды царской у женщинъ Пеоніи и во Ѳракіи въ такой же степени указываютъ на весьма древнюю связь Грековъ съ Таврійскимъ Херронесомъ, которая однакожь послѣ сдѣлалась трудно объяснимою по причинѣ варварства туземцевъ. Кажется, впрочемъ, что Греческіе мореплаватели въ своихъ разсказахъ преувеличивали варварство туземцевъ, съ цѣлью помѣшать другимъ пускаться въ такія путешествія и сберечь только для себя значительную выгоду, которую извлекали они изъ своей торговли. Точно такъ же Финикіяне разсказывали Грекамъ и жителямъ Италіи страшныя исторіи объ опасностяхъ, которымъ подвергались они въ отдаленныхъ странахъ за столбами Геркулеса.

Артемида у Грековъ имѣла два главныя качества. Сначала это была богиня воинственная, которая не только охотится, но и сражается съ исполинами, поражаетъ Ніобидовъ, Алоидовъ, Оріона и другія существа человѣческаго вида. Но она была и богиней свѣта и творенія, распространяющею счастіе и силу, оживляющею природу, человѣка и животныхъ.

Не такая Артемида почитаема была въ Херронесѣ, на монетахъ котораго она постоянно является съ

охотничьими принадлежностями, что болѣе соотвѣтствовало варварскому и воинственному духу Таврійцевъ. Эта Артемида — Агротера (звѣроловица) на древнѣйшихъ памятникахъ имѣетъ длинные волосы, спадающіе на длинный хитонъ. Скопасъ и Праксител первые представили статуи Артемиды съ идеальнымъ выраженіемъ, и придали ей короткое одѣяніе, подобранный хитонъ, связанные волосы, — что̀ ближе подходитъ къ ея охотничьему характеру. Многіе памятники, и именно нѣсколько великолѣпныхъ Херсонскихъ драхмъ, изображаютъ Артемиду, украшенную вѣнкомъ изъ посвященнаго ей лавра.

Обыкновенная одежда ея — Дорійскій хитонъ пурпурнаго цвѣта, поднятый до колѣнъ; рѣже встрѣчается онъ опущенный до земли и открытый на бокахъ, чтобы не затруднять быстрыхъ движеній. Обувь Артемиды — охотничьи сапожки (ἐνδρομίδες), которые называются также Критской обувью. Они доходятъ почти до колѣнъ и должны были защищать ноги отъ терновника и камней; эта обувь зашнуровывалась спереди и кверху была очень широка. На краяхъ ея висятъ иногда большіе куски кожи, чтобы можно было закрыть ногу до самаго колѣна, если этого требовала неровная почва. Статуя Артемиды изъ собранія Джустиніани имѣетъ такую же обувь.

Съ этимъ подо̀браннымъ хитономъ и эндромидами изображается Артемида на очень многихъ монетахъ Херронеса. На статуяхъ она нерѣдко имѣетъ такой же костюмъ. Типъ Артемиды, поражающей лань, имѣетъ сходство съ живописью на одной вазѣ изъ музея Герцога де-Блака, гдѣ богиня, въ присутствіи Зевса, Аполлона и одной крылатой дѣвушки, опирается колѣномъ на

лань, угрожая ей пукомъ стрѣлъ. Гг. Панофка и В. Ллойдъ признаютъ ее за Артемиду Элафеболу (поражающую оленей)—эпитетъ, приданный богинѣ въ одномъ изъ гимновъ Гомера; она была почитаема въ Элидѣ, гдѣ мѣсяцъ Мартъ носилъ ея имя (Ἐλάφιοσ), также въ Аѳинахъ, Делосѣ, Таросѣ и Пріенѣ, гдѣ именемъ ея обозначенъ былъ мѣсяцъ Май (Ἐλαφηβόλιον). Изъ нашихъ монетъ, гдѣ ей вмѣсто пука стрѣлъ данъ дротикъ, быть можетъ, было бы возможно вывести заключеніе о почитаніи Артемиды-Элафеболы въ Херронесѣ. По мнѣнію Панофки, этотъ пукъ есть орудіе жертвоприношенія, и напоминаетъ Тавріискую Артемиду— Фасцелиту или Фасцелину, названную такъ a fascibus,—пука стрѣлъ, въ которомъ Ифигенія и Орестъ скрыли изображенія Артемиды, чтобъ унести его въ Грецію. По намъ кажется, что и эта живопись и мраморъ, представляющій подобный сюжетъ и сохранившійся въ Кассельскомъ музеѣ, скорѣе передаютъ Артемиду, которая поражаетъ дочь Косскаго царя Меропа, Титаниду, превращенную въ лань съ золотыми рогами. Этотъ сюжетъ повторяется на монетахъ Эфесскихъ, Дальдійскихъ въ Лидіи и Севастопольскихъ въ Каріи, и по сходству ихъ съ монетами Херронескими, можно думать, что онѣ были скопированы съ мраморныхъ группъ или картинъ знаменитыхъ художниковъ, которымъ принадлежитъ также первообразъ группы, встрѣчающейся на нашихъ монетахъ. Вообще большое число разнообразныхъ группъ и статуй Артемиды, принадлежащихъ къ цвѣтущей эпохѣ Греческаго искусства, выражаетъ высокую степень гражданской образованности Херронеса и показываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, сколько уважаемо было тамъ искусство.

Почитаніе Аполлона очень часто соединялось съ чествованіемъ сестры его, Артемиды. Почитаніе Геркулеса очень естественно въ Дорійской колоніи; какъ народный герой Дорійцевъ, Геркулесъ есть, такъ сказать, второе божество Херронеса. Его можно разсматривать отчасти въ связи съ Артемидой: потому что въ странѣ гиперборейцевъ, на берегахъ Истра, онъ преслѣдовалъ и поймалъ лань Кериитскую, посвящаемую этой богинѣ. Здѣсь увидѣлъ онъ прекрасныя маслины', которыя взялъ съ собой, чтобы посадить на голой и лишенной всякой тѣни равнинѣ Олимпіи.

Очень любопытенъ для исторіи Херронеса типъ обнаженнаго воина, съ шапкой (πῖλος) на головѣ, склонившагося на правое колѣно и закрывающаго себя круглымъ щитомъ съ каймой; въ правой рукѣ онъ держитъ копье съ остреями на обѣихъ концахъ. Экель (Eckhel), Сестини и Міоннè приняли этого воина за Ахилла, на Истмійскихъ играхъ; но уже Кёлеръ справедливо замѣтилъ, что этотъ человѣкъ, въ зрѣломъ возрастѣ и бородатый, не можетъ представлять Ахилла, которому искусство всегда придаетъ идеальныя черты юности. Подобную остроконечную шапку изъ шерсти или войлока носятъ на древнихъ памятникахъ Посейдонъ, Улиссъ и вообще мореплаватели; Греки никогда не представляли на своихъ монетахъ чуждыхъ личностей или такихъ, которыя не имѣли ближайшаго отношенія къ ихъ городу; бѣгъ (δρόμος) Ахилла былъ слишкомъ удаленъ отъ Херронеса, и притомъ наша монета скорѣе предполагаетъ военныя упражненія. По мнѣнію Лессинга, здѣсь представлено то знаменитое положеніе, которое велѣлъ принять своимъ воинамъ Аѳинскій полководецъ Хаб-

рія, въ 4-мъ году 10-й олимпіады (377 г. до Р. X.), чтобы защитить одно возвышеніе передъ Өивами отъ сильнаго войска Агезилая Спартанскаго. Благодарные Аөиняне воздвигли ему статую, которая представляла Хабрію въ этомъ положеніи. Извѣстно, что Хабрія велѣлъ сдѣлать съ нея копіи; она могла повторяться и на монетахъ, но во всякомъ случаѣ, воины Хабріи не были обнажены, какъ фигуры нашей монеты; это были гоплиты въ полномъ вооруженіи, которое было необходимо, чтобы выдержать нападенія Агезилая. Тотъ же типъ Хабрія мы видимъ на серебряной монетѣ, почти современной ему, которую относимъ мы къ Пеллинѣ въ Өессаліи; здѣсь шлемъ (αὐλῶπις) закрываетъ лицо опустившагося воина; щитъ и копье составляютъ его вооруженіе. На экземплярѣ, немного стертомъ, которымъ мы пользовались, не льзя отличить, вооруженъ ли воинъ или нѣтъ; но по характеру фигуры скорѣе можно принять его за воина въ засадѣ, можетъ быть Улисса, изображеннаго въ подобномъ положеніи на одной монетѣ у Буонаротти, на динаріи Мамиліевъ, на рѣзныхъ камняхъ и проч.

Выраженіе фигуръ на всѣхъ этихъ памятникахъ одинаково; положеніе лица, находящагося въ засадѣ, на нашихъ монетахъ вполнѣ прилично хитрому сыну Лаэрта. Не льзя ли предположить, что въ странствованіяхъ своихъ Улиссъ заходилъ въ Крымъ, конечно задолго до основанія Херронеса, и что въ послѣдствіи жители этого города приписали основаніе его славному царю Итаки, чтобы увеличить древность и славу своей родины? Свѣдѣнія наши о древнѣйшей эпохѣ Херронесской исторіи

очень не точны, и, быть можетъ, дополняются этимъ типомъ нашихъ монетъ.

Но если даже и не признавать эту фигуру за Улисса, то нѣтъ сомнѣнія, что она представляетъ лицо очень важное въ исторіи города,— можетъ быть то, которое привело въ Крымъ первыхъ поселенцевъ. Подобный воинъ выгравированъ на золотомъ Тарсскомъ статирѣ, который изданъ Рауль-Рошеттомъ; внизу фигуры находится рыба, обращенная вправо, — характеристическій знакъ золотыхъ монетъ Азіатской работы. Знаменитый археологъ подтверждаетъ при этомъ случаѣ вліяніе монетныхъ знаковъ Азіи на монеты Херронеса,— обстоятельство, замѣченное нами не одинъ разъ.

Прочіе типы Херронесскихъ монетъ представляютъ грифа, быка, колосъ, плугъ и другія эмблемы, относящіяся къ занятіямъ жителей.

Грифъ былъ посвященъ Аполлону. Жилищемъ его древніе считали богатую золотомъ страну, находящуюся между Скиѳами, Рипейскими или Иперборейскими горами и Сарматами, которые для пріобрѣтенія золота должны были сражаться съ этими чудовищами. Плиній помѣщаетъ грифовъ, то согласно съ Геродотомъ и Аристеемъ Проконесскимъ, въ Сарматіи, то въ Скиѳіи, или даже въ Эѳіопіи. Грифовъ можно видѣть на очень многихъ украшеніяхъ изъ золота, на вазахъ съ живописью и другихъ памятникахъ, найденныхъ въ Крыму и его окрестностяхъ, и находящихся теперь въ Эрмитажѣ; упомянемъ особенно о великолѣпномъ лекитѣ (описанномъ нами въ Зап. Археол. Общ., т. II) Аѳинскаго художника Ксенофанта, гдѣ они совершенно сходны съ грифами Пантикапейскихъ монетъ.

Эти чудовища были Азіатскаго происхожденія: такой вымыслъ не былъ въ Греческомъ духѣ. У Персовъ нерѣдко встрѣчаются чудовища, составленныя изъ льва и орла, изъ быка и орла, изъ человѣка и коршуна и пр. и К. О. Мюллеръ думаетъ, что эти фантастическія изображенія перешли чрезъ посредство Персидскихъ и Вавилонскихъ тканей, которыя привозимы были Милетскими купцами въ Грецію и смѣшались тамъ съ баснословными преданіями о сѣверныхъ странахъ. Но Греки знали грифовъ уже во время Гезіода; рельефными головами грифовъ украшены были края огромныхъ котловъ, которые повѣшены были въ храмѣ Юноны Самійцами, по возвращеніи ихъ изъ Тартесса (37 или 38 олимп.). Дворецъ Скилеса, царя Ольвіи, украшенъ былъ грифами изъ бѣлаго мрамора.

Быкъ (ταῦρος) есть типъ мѣстный и историческій: мѣстный потому, что намекаетъ на имя *Тавриды;* историческій потому, что можетъ быть разсматриваемъ, какъ эмблема Греческой колоніи, которая открыла себѣ дорогу въ страну, обитаемую варварами.

Доставшись, вслѣдствіе побѣдъ Помпея, Римлянамъ, Херронесъ въ послѣдствіи былъ, кажется, возвращенъ Фарнаку, сыну Великаго Митридата. За тѣмъ нѣсколько лѣтъ владѣтелемъ Херронеса былъ, вѣроятно, Азандръ, въ 48 г. до Р. Х. лишившій Фарнака короны и жизни.

Стравонъ говоритъ, что отъ Митридата и до его времени (при Августѣ) городъ Херронесъ принадлежалъ царямъ Босфора; но это несовсѣмъ вѣрно: потому что монеты, которыя должны быть древнѣе эпохи Августа, носятъ титулъ: ΧΕΡΣΟΝΗΣΟΥ ΕΛΕΥΘΕΡΑΣ, а свободный городъ не могъ принадлежать чужимъ царямъ.

Бёкъ превосходно опредѣлилъ время, когда Херронесъ получилъ свободу. Этотъ фактъ выводится изъ одной надписи Христіанскаго періода, по словамъ которой, въ царствованіе императора Зенона, въ 512 году, графъ (comes) Діогенъ возобновилъ одну башню. 512 есть годъ Херронесской эры. Императоръ Зенонъ, при которомъ Діогенъ отличался возстановленіемъ нѣкоторыхъ Греческихъ городовъ, и позднѣе, при Анастасіи, счастливой войною противъ возмутившихся Исаврійцевъ, — царствовалъ въ 474—491 г., такъ что, по отношенію времени, Херронесская эра приходится въ 36 году до Р. Х. или 718 отъ основанія Рима.

Зная только Босфорскія монеты, сообщенныя Экелемъ, Бёкъ изъ одной золотой монеты Азандра, съ царскимъ титуломъ и числомъ КГ (23), заключилъ, что этотъ владѣтель былъ признанъ императоромъ въ томъ же 718 году, и что монета относится къ послѣднему году его царствованія: потому что онъ умеръ въ 740 по осн. Р. Знаменитый ученый вывелъ отсюда, что Римляне въ одно время признали царское достоинство Азандра и свободу жителей Херронеса, и что Стравонъ заимствовалъ упомянутое извѣстіе изъ древнѣйшаго автора, писавшаго въ то время, когда Херронесъ не былъ еще свободенъ. Послѣднее замѣчаніе не подлежитъ никакому сомнѣнію; но годъ, въ которомъ Азандръ получилъ корону, есть 711 по осн. Р. (43 до Р. Х.): потому что одна золотая монета Азандра съ годомъ ΘК (29) не дозволяетъ считать 23-й послѣднимъ годомъ его царствованія. Азандръ, какъ мы объяснили въ другомъ мѣстѣ, возмутился противъ своего государя въ 50 г. до Р. Х., когда Фарнакъ началъ войну съ Римлянами; въ 47 г. Фарнакъ лишился жизни, въ сра-

женіи съ Азандромъ. Но похититель короны всегда считалъ начало своей власти со времени удаленія его государя, когда онъ принялъ титулъ архонта. Восемь лѣтъ спустя, Азандръ принялъ корону, вѣроятно въ слѣдствіе женитьбы на дочери Фарнака, и послѣдній годъ его архонтства совпадаетъ съ первымъ годомъ царствованія (711 по осн. Р. или 43 до Р. Х.). Черезъ семь лѣтъ послѣ того начинается новая Херронесская эра, и слѣдовательно дѣло въ томъ,—какимъ образомъ этотъ городъ могъ освободиться отъ власти такого сильнаго государя, какъ Азандръ. Онъ не могъ достигнуть этого силою оружія, и названіе свободнаго могло быть дано ему только Римлянами. Нельзя, слѣдовательно, оспаривать вмѣшательства Римлянъ: свободные города сами находились въ нѣкоторой зависимости отъ нихъ. Херронесъ, Азандръ и Римъ заключили, вѣроятно, между собою родъ договора, результатомъ котораго была свобода перваго. Кажется, что Азандръ, похитивши въ 43 г. царскій титулъ, получилъ утвержденіе отъ Римлянъ только послѣ семилѣтнихъ переговоровъ и съ условіемъ дать свободу Херронесу, самому сильному городу на полуостровѣ; Римляне воспользовались этимъ для поддержанія равновѣсія, которое было нарушено возраставшимъ могуществомъ царства.

Но какое вліяніе произведено было на городъ названіемъ ἐλευϑέρα или *libera*, которое получилъ онъ въ 36 г., вѣроятно, по вмѣшательству Марка-Антонія?

Римляне давали городамъ, которые не были ими завоеваны, или Римскимъ колоніямъ, три различные титула: автономіи (αὐτονομία), свободы (ἐλευϑερία) и ателіи (ἀτέλεια). Первый данъ былъ очень многимъ Азіатскимъ

городамъ, на-пр. Антіохіи, Апамеѣ, Лаодикеѣ, Селевкіи и пр. Второй распространенъ былъ гораздо меньше; его получили нѣкоторые города Понта и Киликіи, Родосъ, Өессалоника въ Македоніи, Гиппо въ Зевгитанѣ и Херронесъ. Только одинъ городъ, Алабанда въ Каріи, пользовался третьимъ титуломъ.

Слово *автономія* означаетъ освобожденіе отъ многихъ или отъ всѣхъ повинностей. Города автономическіе и свободные еще не имѣли ателіи, потому что должны были платить Римлянамъ пошлины или налоги.

Свобода противополагалась рабству; такъ Августъ лишилъ свободы города Кизикъ, Тиръ и Сидонъ и привелъ ихъ въ состояніе рабства. Свобода и автономія были почти одно и то же, и сами древніе не всегда дѣлали различіе между ними: потому что Геродотъ, Өукидидъ и Ксенофонтъ одинъ городъ называютъ то автономическимъ, то свободнымъ, и Плиній часто означаетъ, какъ свободные, города Антіохію, Селевкію и др., которые на монетахъ своихъ носятъ имя автономическихъ. Но должна быть разница между этими выраженіями: потому что какимъ образомъ названные города Киликіи могли носить ихъ оба вдругъ, если они имѣли одно и то же значеніе?

Мы думаемъ, что выраженія сіи дѣйствительно означаютъ почти одно и то же политическое состояніе, но что элевтерія основывается на независимости, тогда какъ автономія прилагается болѣе частнымъ образомъ къ прежнему свободному управленію, къ древнимъ законамъ, которымъ слѣдовалъ городъ въ своемъ управленіи. Слѣд. города «свободные и автономическіе» были тѣ, которые пользовались независимостью и древними своими учрежденіями.

При императорахъ древнія права городовъ, различныя въ разныхъ мѣстахъ, были постоянно ограничиваемы. Плиній называетъ ихъ уже тѣнью и residuum libertatis nomen. Но Херронесъ, удаленный отъ центра имперіи, кажется, долѣе другихъ пользовался своими древними привилегіями. Ни писатели, ни памятники искусства не говорятъ объ ограниченіи этихъ правъ императорами; между именами правителей, которыя выставлялись на монетахъ, нѣтъ ни одного Римскаго имени; монеты вообще сохраняютъ свой древній типъ. Плиній говоритъ о Херронесѣ, какъ о городѣ, который между всѣми сосѣдними городами отличается блескомъ и старинными Греческими обычаями, хотя по нѣкоторымъ монетамъ съ изображеніями Римскихъ императоровъ и можно думать о вліяніи, которое имѣли эти послѣдніе на Херронесъ.

Городъ оставался спокоенъ до начала правленія Адріана; покровительство Римлянъ спасало его отъ нападеній окрестныхъ варваровъ. Мы не знаемъ ни одного политическаго событія въ эту эпоху, кромѣ ожесточеннаго преслѣдованія Христіанъ. Св. Апостолъ Андрей пришелъ изъ Синопа въ Херронесъ, и оттуда отправился на проповѣдь Евангелія Славянскимъ и Сарматскимъ племенамъ, жившимъ на берегахъ Борисѳена. За тѣмъ Св. Климентъ, сосланный Траяномъ въ Херронесъ и осужденный на работы въ Инкерманскихъ каменоломняхъ, обратилъ тамъ многихъ въ Христіанство; услышавъ объ этомъ, императоръ велѣлъ бросить его въ море. Еще позднѣе, когда Христіанская Вѣра уже распространилась въ Херронесѣ, тѣло Святаго было найдено и сохранялось до половины IX вѣка, въ церкви, построенной во имя его и вѣроятно находившейся налѣво отъ длинной улицы, которая пересѣкала городъ, начинаясь

у Севастопольской гавани. По свидѣтельству Нестора, Великій Князь Владиміръ Равноапостольный взялъ съ собою главные останки св. Климента вмѣстѣ съ другими священными предметами. Позднѣе, или, какъ доказываютъ нѣкоторые, даже до Владиміра другіе останки мученика было перенесены въ Римъ и положены въ церкви его имени, недалеко отъ Флавіанскаго театра (*).

Наконецъ городъ пересталъ принадлежать Римской имперіи. Императоръ Адріанъ, можетъ быть, считáя невозможнымъ защищать всѣ предѣлы обширной имперіи, значительно стѣснилъ ихъ, вызвавъ Римскія войска изъ нѣкоторыхъ сѣверныхъ провинцій по берегамъ Чернаго моря и изъ Херронеса Таврическаго. Въ то же время онъ заключилъ союзы съ варварскими царями на сѣверѣ имперіи, между прочимъ съ царями Босфора Киммерійскаго, которые изъ уваженія къ императору продолжали помѣщать его изображеніе на оборотѣ всѣхъ своихъ золотыхъ и серебряныхъ, а иногда даже и мѣдныхъ монетъ, и отъ каждаго императора получали нѣкоторые подарки въ знакъ инвеституры. Херронесъ сдѣлался такимъ образомъ совершенно свободнымъ, но кажется платилъ еще императору нѣкоторыя подати, потому что онъ только при Діоклетіанѣ получилъ ателію. Городъ усиливался по мѣрѣ ослабленія Босфорскаго царства. Во время Плинія онъ имѣлъ уже пять миль въ окружности; въ срединѣ его была цитадель, возлѣ пещеры, посвященной Нимфамъ.

(*) По одному надгробному памятнику, который былъ воздвигнутъ Аврелію Сальвіану, трубачу (tubicen) одиннадцатаго легіона Клавдіева, можно думать, что отрядъ этого легіона нѣсколько времени занималъ гарнизонъ въ Херронесѣ. Памятникъ этотъ находится теперь въ Николаевскомъ музеѣ.

Цитадель соединялась съ домомъ Ламаха и Сузскимъ портомъ улицею, пересѣкавшею главную улицу города недалеко отъ рынка, построеннаго вѣроятно Агазиклетомъ. При Діоклетіанѣ владѣнія Херронеса значительно распространились; ему принадлежалъ весь восточный берегъ полуострова до Өеодосіи. Въ это время Херронесъ соединился съ императоромъ противъ Босфорскаго царя Савромата V, сына Рескупориса V (*). Савроматъ, соединившись съ Сарматами и другими племенами, жившими на берегахъ Меотиды, напалъ на страну Лазовъ (древнюю Колхиду) и проникъ до Галиса. Өоөорсесъ, царствовавшій въ Азіатскомъ Босфорѣ, былъ, вѣроятно, его союзникомъ. Констанцій, отправленный Діоклетіаномъ противъ него, далъ совѣтъ императору обратиться къ жителямъ Херронеса. По приглашенію императора, они собрали свое войско, вооружили колесницы подъ предводительствомъ протевона и направились къ Босфору. Поразивъ непріятеля подъ стѣнами города съ помощью засаднаго войска, они взяли Босфоръ съ другими маленькими городами, и заняли всю Босфорскую землю въ Европѣ. За тѣмъ они собрали Сарматскихъ женщинъ и объявили имъ, что тогда только оставятъ въ покоѣ ихъ страну, когда онѣ убѣдятъ своихъ соотечественниковъ возвратиться изъ Азіи и заключить миръ съ императоромъ. Посольство, при которомъ было пять Херронесцевъ, дѣйствительно отправилось въ

(*) По исправленію, сдѣланному Кари (Cary), въ текстѣ сочиненія Константина Багрянороднаго: De administrando imperio. Война была около 284 г. по Р. Х.; но намъ извѣстна изъ этого времени только одна монета Савромата V, съ 572 годомъ Понтскаго лѣтосчисленія (276 по Р. Х.), и потомъ, послѣ промежутка въ 33 года, монета Савромата VI съ 605 (309 по Р. Х.) годомъ.

Азію, гдѣ дѣла Констанція были въ незавидномъ положеніи. Прибытіе посольства и Херронесцевъ дало другой оборотъ дѣлу; прежнія невыгодныя для Рима условія мира были измѣнены, и, размѣнявшись плѣнными, Сарматы ушли домой. Бывшіе при посольствѣ Херронесцы представлены были Діоклетіану, и на вопросъ его, чѣмъ можетъ онъ отблагодарить Херронесцевъ за удачное окончаніе войны, просили для своего города *ателіи*, т. е. освобожденія отъ налоговъ. Они возвратились въ Херронесъ съ большими подарками отъ императора.

Получивъ ателію, Херронесъ сдѣлался сильнымъ городомъ; границы его владѣній простирались до Кафы. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось и усердіе его къ императорамъ; во время войны Константина Великаго противъ возмутившихся Скиѳскихъ племенъ, протевонъ Діогенъ, сынъ Діогена, съ стрѣлками и военными колесницами, перешелъ Истръ и разбилъ непріятеля. Императоръ пригласилъ въ Византію протевоновъ Херронеса, подарилъ свою позолоченную статую, представлявшую его въ императорской хламидѣ, ожерельѣ и золотой коронѣ, утвердилъ ихъ привилегіи городу, и — что было тогда большою милостью —далъ имъ золотой перстень съ своимъ изображеніемъ для запечатыванія просьбъ на его имя. Наконецъ онъ велѣлъ ежегодно выдавать Херронесцамъ разные матеріалы для устройства баллистъ и извѣстное количество провіанта для людей, находившихся при этихъ машинахъ. Херронесцы въ свою очередь ввели у себя военный распорядокъ, существовавшій еще при Константинѣ Багрянородномъ, — чтобъ быть всегда готовыми на службу императора (*).

(*) Не льзя съ точностью опредѣлить время этой войны. Константинъ Багрянородный упоминаетъ о ней раньше войны съ Сарматами 322

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ второй побѣды надъ Скиѳами, Савроматъ VI, внукъ Савромата V, рѣшился отмстить жителямъ Херронеса пораженіе своего дѣда. Херронесцы, подъ предводительствомъ протевона Биска, дошли до Кафы, разбили войско царя и принудили его уступить имъ всю землю до стѣнъ этого города; царь и воины его должны были дать клятву въ томъ, что они не будутъ переходить этой границы съ оружіемъ въ рукахъ и останутся на сѣверо-восточномъ берегу полуострова. Сраженіе при Кафѣ происходило передъ 313 годомъ, когда Савроматъ VI уже умеръ: къ этому году относятся извѣстныя монеты его преемника Рескупориса VI. Граница двухъ воинственныхъ государствъ опредѣлена была рвомъ, слѣды котораго не изгладились и теперь; онъ простирался отъ Кафы на сѣверъ до полуострова Зенона, у Арабатскаго залива. Быть можетъ, это тотъ самый ровъ, который выкопали, по словамъ Геродота, Скиѳскіе рабы, возмутившіеся противъ своихъ господъ во время отсутствія ихъ въ Мидіи.

Наконецъ третій Савроматъ сдѣлалъ попытку возвратить отъ Херронеса земли своихъ предковъ (*). Протевонъ Фарнакъ, сынъ Фарнака, пошелъ съ войскомъ къ Кафѣ и расположился лагеремъ на высотахъ, окружающихъ городъ, противъ арміи Савромата. Чтобы избѣжать

г. Слѣдующая война была раньше смерти Савромата VI въ 313 году, такъ что экспедиція противъ Скиѳовъ относится, вѣроятно, къ 310 или 311 г.

(*) Вѣроятно, это сынъ Рескупориса VI, послѣдняя монета котораго принадлежитъ 631 г. Понт. лѣт. (335 по Р. Х.). Впрочемъ, Савроматъ VII неизвѣстенъ въ нумизматикѣ; Константинъ Багрянородный также не сообщаетъ о немъ никакихъ извѣстій.

кровопролитія, Фарнакъ предложилъ Босфорцамъ рѣшить дѣло поединкомъ полководцевъ, съ тѣмъ чтобы городъ побѣжденнаго достался побѣдителю. Савроматъ, который былъ колоссальнаго роста и силачъ, согласился на предложеніе невзрачнаго протевона; но когда они начали сраженіе, воины Фарнака испустили вдругъ военный крикъ. Хитрость удалась: удивленный Савроматъ оборотился, чтобъ узнать, что значитъ этотъ крикъ, а Фарнакъ въ эту минуту поразилъ его копьемъ, и, сошедши съ коня, отрубилъ врагу голову. Въ слѣдствіе побѣды онъ занялъ Босфоръ и назначилъ границу съ остатками царства въ Киберникѣ, такъ что земли Босфорскаго царства въ Европѣ занимали только сорокъ миль. При Константинѣ Багрянородномъ эта граница была еще извѣстна, и Дюбуа нашелъ остатки вала, относящагося къ этой эпохѣ, который идетъ отъ солянаго озера Итаръ-Альчикъ (Узунларское озеро между Кафою и Пантикапеею) на сѣверѣ до Азовскаго моря.

Часть плѣнныхъ протевонъ назначилъ для воздѣлыванія полей; другіе были освобождены, и воздвигли ему статую въ Босфорѣ, въ знакъ благодарности. Къ этому же времени относятся побѣды Константина Великаго надъ Сарматскими и Германскими племенами; о нихъ упоминаетъ хвастливая надпись SARMATIA DEVICTA, сохранившаяся на многихъ монетахъ этого императора.

Не смотря на свои постоянныя неудачи, Босфорцы не теряли надежды освободиться отъ Херронесскаго господства, и, не имѣя возможности достигнуть этого силою, употребили хитрость. Царь Босфорскій Азандръ II прислалъ въ Херронесъ посольство и просилъ для своего

сына руку Гикіи, дочери протевона Ламаха. Протевонъ и Херронесцы, не совсѣмъ довѣряя Азандру, отвѣчали, что согласны на это только съ условіемъ, чтобы сынъ Азандра никогда не возвращался въ отечество. Царь согласился и бракъ состоялся. Ламахъ былъ чрезвычайно богатъ; домъ его, украшенный четырьмя великолѣпными порталями, занималъ четыре части города и находился подлѣ Сузской гавани. Чрезъ два года Ламахъ умеръ, и тогда сынъ Азандра приступилъ къ исполненію задуманнаго плана. По просьбѣ его, царь Босфорскій присылалъ къ нему отъ времени-до-времени по нѣскольку храбрыхъ и сильныхъ юношей, съ какими-нибудь порученіями; но когда они должны были возвращаться въ Босфоръ, повѣренные мужа Гикіи приводили ихъ скрытно, разными окольными путями, въ огромный домъ Ламаха, гдѣ ихъ помѣщали такъ искусно, что никто ничего не подозрѣвалъ. Посылки повторялись довольно часто, такъ что, къ концу третьяго года по смерти Ламаха, двѣсти Босфорскихъ юношей собралось въ домѣ Гикіи. Во время праздника, который Гикія совершала въ память своего отца, юноши должны были напасть на жителей Херронеса и овладѣть городомъ. Но, къ счастію Херронесцевъ, это злоумышленіе не удалось. Въ тотъ самый день, когда назначено было убійство, служанка Гикіи открыла случайно убѣжище Босфорцевъ и разсказала объ этомъ своей госпожѣ. Гикія, взявъ съ начальниковъ города клятву, что они по смерти ея погребутъ ее внутри стѣнъ города, открыла имъ опасность, угрожавшую Херронесу, и предложила имъ сжечь Босфорцевъ вмѣстѣ съ ея домомъ. Чтобы не подать мужу своему повода къ подозрѣніямъ, Гикія устроила обыкновенный праздникъ; но, не давъ времени выполнить замыселъ, вы-

шла изъ дома, который и былъ сожженъ со всѣми Босфорцами. Такъ кончилось послѣднее покушеніе Босфора противъ Херронеса. Гикія не допустила Херронесцевъ выстроить здѣсь для нея другой домъ, какъ они хотѣли, а напротивъ велѣла свозить сюда нечистоты, чтобъ опозорить мѣсто, угрожавшее родному городу ея такимъ несчастіемъ; при Константинѣ Багрянородномъ это мѣсто называлось еще *Λαμάχου σκοπή*.

Благодарные Херронесцы воздвигли ей двѣ статуи: одна представляла Гикію въ обыкновенной одеждѣ, въ ту минуту, когда она открываетъ гражданамъ замыселъ мужа; другая изображала ее въ воинственномъ видѣ, мстящую за измѣну; на основаніи статуи вырѣзана была надпись, съ исторіей этого заговора. Но черезъ нѣсколько времени Гикія захотѣла испытать Херронесцевъ, распустила слухъ о своей смерти и притворилась умершею; когда же Херронесцы, вопреки обѣщанію, понесли гробъ ея на загородное кладбище, она встала изъ гроба и стала упрекать ихъ въ неблагодарности. Херронесцы смѣшались и давъ ей новую клятву, просили, чтобы она сама выбрала мѣсто внутри города; здѣсь они воздвигли ей третью статую изъ позолоченной бронзы. Во времена язычества, Гикія, быть можетъ, одна только погребена была внутри города.

Древнія кладбища внѣ города еще замѣтны. Мы издали гравюру, представляющую одинъ надгробный памятникъ (*), который найденъ былъ здѣсь и теперь хранится въ музеѣ Императорскаго Эрмитажа. Сестренцевичъ и

(*) Θеогена и жены его Ульпіи Макаріи.

другіе сомнѣвались въ справедливости исторіи Гикіи; но, по замѣчанію Дюбуа, статуи, воздвигнутыя въ честь ея, не оставляютъ мѣста сомнѣнію.

Мы упоминали нѣсколько разъ о протевонахъ. Эти лица уже давно являются правителями города, вмѣстѣ съ стефанефорами, которымъ подчинены были другія менѣе важныя должностныя особы, какъ на-пр. проэдры. Достоинство стефанефора существовало также въ нѣкоторыхъ городахъ Лидіи, Фригіи, Іоніи, но вообще только въ Малой Азіи.

Описанныя нами событія относятся къ послѣднимъ годамъ царствованія Константина Великаго и къ первымъ его преемниковъ. Смерть сына Азандра II, судя по даннымъ, заключающимся въ монетахъ, произошла, можетъ быть, въ 340 г. и дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этомъ нѣтъ. Мы не знаемъ также, отмстилъ ли Херронесъ предательство Босфора икакая была судьба послѣдняго въ это время.

При раздѣленіи имперіи, Херронесъ вмѣстѣ съ восточными провинціями достался на долю Аркадія. Нападенія варваровъ стѣснили городъ въ его прежнія границы, и Херронесъ, прежде такъ блистательно содѣйствовавшій императорамъ, принужденъ былъ теперь просить ихъ помощи. Это доказывается однимъ мраморомъ 474 года, тѣмъ самымъ, по которому Бёкъ опредѣлилъ Херронесскую эру: изъ надписи его видно, что императоръ Зенонъ уступилъ городу, для постройки стѣнъ, суммы, назначенныя для содержанія баллистъ. Суммы эти выдавались городу только во время войны, въ мирное же время поступали въ кассу императора, и Зенонъ въ этомъ случаѣ отказался отъ нихъ въ пользу Херронеса.

Христіанство начало распространяться въ Херронесѣ съ конца III вѣка. Первыми миссіонерами были епископы Ефремъ и Василій, посланные сюда Іерусалимскимъ патріархомъ; Ефремъ былъ убитъ Скиѳами, Василій, изгнанный изъ Херронеса, воскресилъ сына одного знатнаго Херронесца, но не смотря на то, лишенъ былъ жизни въ одинъ день съ Ефремомъ (7 марта). Тѣло Василія чудеснымъ образомъ сохраняемо было львомъ и орломъ, пока Христіане нашли возможность предать его погребенію. Тогда въ Херронесѣ явились три новые проповѣдника, которые также приняли мученическій вѣнецъ, ровно черезъ годъ по смерти своихъ предшественниковъ. Счастливѣе ихъ былъ Этерій, пришедшій уже въ то время, когда Константинъ Великій издалъ нѣсколько эдиктовъ въ пользу Христіанъ; Этерій построилъ въ Херронесѣ первую христіанскую церковь. Онъ умеръ также 7 марта, на пути въ Византію. Преемникомъ его былъ епископъ Капитонъ, который совершилъ чудо для убѣжденія язычниковъ, оставшись невредимымъ отъ огня, которымъ жгли его въ продолженіе цѣлаго часа. Онъ присутствовалъ на первомъ Никейскомъ соборѣ, (325 года) и погибъ отъ варваровъ, жившихъ при устьяхъ Днѣпра; память его и другихъ Херронесскихъ мучениковъ совершается 7 марта.

Девятый епископъ Херронеса, Этерій II, присутствовалъ на второмъ вселенскомъ соборѣ, 381 года; десятый, Лонгинъ, упоминается, какъ предсѣдатель константинопольскаго собора въ 448 году.

Съ конца II вѣка древнее имя Херронеса мало-помалу замѣняется новымъ названіемъ Херсона (*).

(*) Херронесскіе памятники этого времени состоятъ изъ нѣсколькихъ неважныхъ надписей и монетъ. Сосѣдніе Скиѳы дѣлали грубыя по-

Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о судьбѣ Херсона при Анастасіи и Юстинѣ; за то монеты Юстиніана I (527—565), выбитыя въ Херсонѣ, показываютъ, какое тѣсное отношеніе имѣлъ онъ къ этому городу.

Правленіе Юстиніана было однимъ изъ самыхъ главныхъ для Византіи; но, не смотря на всѣ свои успѣхи въ Италіи, Сициліи и Африкѣ, онъ только значительными суммами денегъ и подарками могъ купить миръ у Персовъ. Въ то же время Гунны заняли страны на сѣверъ отъ Меотиды и Чернаго моря, и увлекши за собой Тюркскія, Кавказскія, Славянскія, Готскія и Германскія племена, начали свои нападенія на пограничныя провинціи имперіи. Къ потомкамъ полчищъ Аттилы присоединились новыя толпы Гунновъ, пришедшихъ изъ Азіи. Сѣверный берегъ Чернаго моря занятъ былъ со второй половины III вѣка Готѳами, и когда Ѳеодорикъ утвердился съ своимъ племенемъ въ Италіи, другая часть Остготовъ осталась въ Крыму. На западъ отъ Дона, по Азовскому морю, жили Готы-Тетракситы, Аріанскаго исповѣданія, которые были сперва союзниками имперіи, но короли которыхъ, не выдержавъ нападеній Гунновъ-Утургуровъ (названныхъ такъ по имени одного изъ ихъ предводителей), должны были соединиться съ ними и утвердились на восточномъ берегу Меотиды. На сѣверъ отъ нихъ значительныя земли принадлежали другому Гунскому поколѣнію — Кутургурамъ. Это были тѣ самые Гунны, которые за сто лѣтъ передъ тѣмъ разрушили два Босфорскія царства,

---

дражанія послѣднимъ. На однѣхъ изъ монетъ— головы Римскихъ императоровъ; другія свидѣтельствуютъ о почитаніи Артемиды, Зевса, Асклепія, Гигіи и Гермеса. Отдѣлка ихъ показываетъ уже упадокъ искусства.

уже ослабленныя побѣдами Херронессцевъ; сдѣлавъ Босфоръ или Пантикапею, Европейскую столицу царства, своимъ главнымъ станомъ, они уничтожили послѣдніе храмы и памятники эпохи Спартокидовъ и Ахеменидовъ. Греки не теряли изъ виду этого важнаго города: царь Гуннскій, Гордасъ, крещенный по стараніямъ ихъ миссіонеровъ, дозволилъ Грекамъ держать гарнизонъ въ Босфорѣ. Гордасъ былъ убитъ своимъ братомъ, который выгналъ Грековъ изъ города; но полководецъ императора, Іоаннъ, снова возвратилъ его имперіи. Фанагурисъ (Фанагорія), столица Азіатскаго царства, скоро была разрушена до основанія Гуннами; Херсонъ и Босфоръ, до сихъ поръ державшіеся противъ врага, обратились наконецъ къ императору за помощью, и просили его пособія для возведенія новыхъ стѣнъ. Юстиніанъ, любившій вообще постройки, далъ имъ средства для этого и кромѣ того для защиты границъ основалъ укрѣпленія Алустонъ (Ἀλυσστον) и Горзубиты (Γορζουβίται), которыя существуютъ и теперь. Алустонъ, теперь Алушта, построенъ былъ на возвышеніи, между Босфоромъ и Херсономъ, на Восточномъ берегу Крыма; въ средніе вѣка онъ назывался Ласта, Алуста, Луста, Лусто — видоизмѣненія Генуэзцевъ, Венеціанцевъ и Татаръ. Развалины другаго укрѣпленія, находившагося на юго-западъ. Отъ Алушты, видны у деревни Юрзуфъ; они состоятъ изъ стѣнъ и башенъ Генуэзской эпохи. Обезпечивъ важный для него Восточный берегъ Крыма, Юстиніанъ при помощи денегъ и происковъ, вооружалъ варваровъ другъ противъ друга, чтобы отвлечь вниманіе ихъ отъ имперіи. Такъ, въ 551 г., онъ противопоставилъ Кутургурамъ и Гепидамъ, другихъ Гунновъ и Готовъ-Тетракситовъ. Предводитель пер-

выхъ, Заберганъ, вторгнулся во Ѳракію, проникъ за крѣпкую стѣну, построенную Анастасіемъ и возобновленную Юстиніаномъ; она находилась въ 40,000 шагахъ отъ Константинополя, и только побѣда Велисарія спасла столицу; миръ купленъ былъ большими суммами денегъ. Но на возвратномъ пути Гунны встрѣчены были своими врагами, возбужденными императоромъ, и потеряли всю свою добычу (*).

При наслѣдникахъ Юстиніана почти всѣ Азіатскія владѣнія имперіи перешли во власть Персовъ; могущество Гунновъ было ослаблено войнами и внутреннимъ несогласіемъ; нѣкоторыя поколѣнія ихъ ушли въ Азію, другія крестились и стали союзниками имперіи, третьи были покорены Саками, Аварами и другими Тюркскими племенами, теперь въ первый разъ нарушившими спокойствіе сѣверныхъ провинцій. При Юстинѣ II, Турки приблизились къ Босфору Киммерійскому; посольство императора не имѣло никакого успѣха и было даже задержано ихъ царемъ, между тѣмъ какъ страшная армія ихъ овладѣла Босфорскими землями и городомъ Босфоромъ (Пантикапееію), въ 575 году. Въ то же время Авары, подъ предлогомъ войны съ Славянами, осадили Сирміумъ, а Турки, овладѣвъ большею частію Таврическаго полуострова, подступили къ Херсону. Мы не знаемъ подробностей осады; но при помощи стѣнъ, построенныхъ Юстиніаномъ, го-

(*) При Юстиніанѣ епископомъ Херсона былъ Стефанъ, присутствовавшій въ 533 г. на пятомъ соборѣ въ Константинополѣ. Отъ эпохи этого императора осталось много мѣдныхъ монетъ, выбитыхъ въ Херсонѣ; однѣ изъ нихъ на лицевой сторонѣ имѣютъ изображеніе головы императора, а на оборотной — вензель Херсона; у другихъ, на одной сторонѣ монограмма императора, а на другой — указаніе цѣны. Всѣ почти монеты — *assaria*, пять *lepta*.

родъ съ успѣхомъ противился варварамъ, какъ это доказываютъ монеты Тиверія Маврикія. При Маврикіи (582—602) дѣла имперіи приняли болѣе счастливый оборотъ; побѣжденные Германомъ и Иракліемъ, Персы уступили Грекамъ Арменію и нѣсколько укрѣпленныхъ мѣстъ въ другихъ провинціяхъ; но Авары 592 г. сдѣлали жестокое нападеніе на Ѳракію и дошли до большой стѣны. Константинополь былъ въ ужасѣ; но въ станѣ варваровъ открылась эпидемія, воспользовавшись которою, императоръ купилъ миръ. Едва Авары перешли Дунай, какъ Греки, не смотря на миръ, напали на нихъ и въ пяти сраженіяхъ одержали побѣду надъ ними и ихъ союзниками — Славянами и Гепидами. Маврикій лишился престола и жизни въ слѣдствіе возмущенія войска, которое назначило императоромъ Фоку; старшій сынъ его Ѳеодосій (род. 585) раздѣлилъ участь отца. Ко времени этого императора мы относимъ любопытный мраморъ, описанный Рауль-Рошеттомъ и Дюбуа, и теперь сохраняющійся въ Императорскомъ Эрмитажѣ. По бокамъ надписи изображены здѣсь двѣ побѣды съ лавровыми вѣнками и пальмами, и внизу два предмета, значеніе которыхъ не льзя хорошо понять, потому что уцѣлѣла, кажется, только верхняя часть памятника: вѣроятно, это родъ эмблемы Маврикія. Стиль указываетъ на Византійскую эпоху; въ имени лица, воздвигнувшаго памятникъ, можно разобрать только буквы ΙΚΙϹ; но слова ΚΕϹΑΡΙΟΝ (вмѣсто ΚΑΙϹΑΡΙΟΝ) показываютъ, что это должно быть имя императора. Мы возстановляемъ недостающее чрезъ ΜΑΥΡΙΚΙϹ, признавая это (вмѣсто Μαυρίκιος) за такую же ошибку, какихъ вообще здѣсь довольно много. Смыслъ надписи слѣдующій:

«Послѣ великихъ и удивительныхъ подвиговъ въ Босфорѣ этотъ великолѣпный императорскій памятникъ, Маврикій, благочестивый (εὐσεβής) и богохранимый нашъ государь (δεσπότης), своему рабу Евпаторію, полководцу и начальнику Херсона, индикта 8-го».

Правда, титулъ δεσπότης вошёлъ въ употребленіе гораздо позднѣе Маврикія, но это не единственное исключеніе; еще Каракалла на Тіатирскомъ мраморѣ названъ «господиномъ (δεσπότης) земли и моря»; то же мы видимъ на памятникѣ другаго отдаленнаго отъ столицы города, гдѣ также возможно было отступленіе отъ оффиціальнаго титула. Напротивъ εὐσεβής — *pius* было обыкновеннымъ въ титулѣ императора. Евпаторій былъ *рабомъ* Маврикія, и дѣйствительно мы видимъ очень много примѣровъ возвышенія рабовъ, при Византійскихъ императорахъ, въ самыя важныя должности; онъ былъ и правителемъ Херсона. Осьмой индиктъ соотвѣтствуетъ 590 г. по Р. Х. Но какія побѣды упоминаются въ надписи? Мы видѣли, что Турки осаждали Херсонъ, и, вѣроятно, Евпаторію; «правителю» Херсона должно приписать освобожденіе этого города и другихъ мѣстъ, занятыхъ Турками. «Императорскій» памятникъ въ Босфорѣ не могъ быть воздвигнутъ на мѣстѣ, принадлежащемъ непріятелю. Такимъ образомъ господство Турокъ (съ 575 г.) было очень не долговременно, простираясь только до 8-го индикта (590). Преемникъ Маврикія, Фока, велѣлъ уничтожить на мраморѣ имя своего противника (*).

(*) Херсонскія монеты Маврикія представляютъ на лицевой сторонѣ императора и императрицу стоящими, а на другой — изображеніе святаго (Евгенія?) и указаніе цѣнности.

Въ продолженіе почти ста лѣтъ послѣ того, мы снова не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о Херсонѣ. Въ этотъ промежутокъ, въ 653 г. папа Мартинъ I умеръ въ Херсонѣ, сосланный сюда имп. Константиномъ II, хотя Сестренцевичъ считаетъ мѣстомъ его ссылки другой городъ; въ то же время жилъ епископъ Херсона и Дори, Георгій.

Между тѣмъ, отъ новыхъ движеній народовъ, границы имперіи значительно измѣнились; въ Азіи владѣнія Византіи угрожаемы были Арабами, въ Европѣ онѣ много терпѣли отъ Аваровъ и Болгаръ, народа Тюркскаго племени, но уже съ VII вѣка смѣшаннаго съ Славянскими племенами, и Хозарами-Акацирами. Тѣснимые Аварами, они приблизились къ предѣламъ имперіи, и уже преемники Аспаруха вынудили у императоровъ царскій титулъ. Хазары, воспользовавшись ихъ несогласіями, заставили ихъ воротиться снова на Волгу; другіе же изъ нихъ остались на Дунаѣ и на сѣверныхъ берегахъ Меотиды и Чернаго моря. Хазаръ очень многіе ученые признавали потомками Скиѳовъ; но по характеру языка надобно считать ихъ Тюркскимъ племенемъ, къ которому присоединились остатки Скиѳовъ и Сарматовъ. Послѣ паденія Сассанидовъ они вступили въ Европу и заняли большую часть древняго Босфорскаго царства и небольшую землю Дори въ Крыму, которая отдана была Готѳамъ Юстиніаномъ. Дори получила свое названіе или отъ лѣса, покрывавшаго ее, или отъ древняго Евпаторіона, ея столицы; по мнѣнію Дюбуа, Дори находилась между Севастополемъ и Симферополемъ. Въ послѣдствіи страна и городъ носили названіе Теодора; съ 1204 года они принадлежали Греческимъ владѣтелямъ, до 1475 г., когда перешли въ руки Татаръ. Въ 1783 г. эта земля, столица которой получила отъ Та-

таръ имя Инкермана, вмѣстѣ съ Крымомъ вошла въ составъ Россіи.

Флавій Юстиніанъ II (685—695 и 705—711 или 712 г.), сынъ Константина IV Погоната, названный Августомъ еще въ 681 году, когда ему было только двѣнадцать лѣтъ, былъ счастливъ въ войнахъ съ Маронитами, Болгарами и Славянами, но былъ разбитъ Сарацинами при Левкатеѣ. Его жестокость возбудила неудовольствіе въ народѣ; патрицій Леонтій, провозглашенный императоромъ, отрѣзалъ ему носъ и конецъ языка и отослалъ на житье въ Херсонъ. Слѣдовательно, этотъ городъ тогда принадлежалъ имперіи. Леонтій потерпѣлъ ту же участь отъ Абсимара, возведеннаго на престолъ Критскимъ войскомъ, и заключенъ былъ въ монастырь, въ Далмаціи, такъ что Юстиніанъ-Ринотметъ (съ отрѣзаннымъ носомъ) получилъ надежду на возвращеніе трона. Жители Херсона, ненавидѣвшіе Юстиніана за его жестокость и дурной характеръ, хотѣли выдать его Абсимару; епископъ Херсонскій и Дорійскій (*) Георгій (присутствовавшій въ 692 г. на Константинопольскомъ соборѣ), не могъ или не хотѣлъ препятствовать ихъ намѣренію. Узнавъ объ опасности, Юстиніанъ убѣжалъ въ Доросъ, — укрѣпленіе на Готской границѣ, склонилъ на свою сторону Хазарскаго хагана (703), женился на сестрѣ его Ѳеодорѣ и занялъ Фанагорію, снова построенную Хазарами. Происки Абсимара сдѣлали и это мѣсто опаснымъ для него; Юстиніанъ самъ умертвилъ убійцъ, подосланныхъ Хаганомъ, и въ рыбачьей лодкѣ достигъ гавани Символовъ, гдѣ ожидали его Херсонскіе друзья. Вмѣстѣ съ ними онъ, не бывъ

(*) При Львѣ VI Мудромъ въ Дори было учреждено архіепископство.

узнанъ, прошелъ мимо Херсонскаго маяка, и черезъ Каркинитскій заливъ прибылъ къ Болгарамъ, занимавшимъ берегъ моря между устьями Днѣпра и Днѣстра. Съ помощью Болгарскаго царя Тербелеса онъ завоевалъ Константинополь; Леонтій и Абсимаръ попали въ руки тирана, были осыпаны оскорбленіями и наконецъ обезглавлены въ циркѣ. Онъ выдалъ за Тербелеса свою дочь отъ перваго брака и уступилъ ему землю между Македоніей и Дунаемъ, которая потомъ получила имя Загоріи. Враги Юстиніана подверглись жестокому преслѣдованію; достойный архіепископъ Феликсъ, лишенный зрѣнія, былъ сосланъ въ ссылку; наконецъ онъ рѣшился наказать жителей Херсона за ихъ недоброжелательство. Константинополь выставилъ страшный флотъ; 100,000 войска, подъ предводительствомъ патриціевъ Мавра и Стефана Жестокаго, должны были разрушить Херсонъ до основанія и истребить жителей. Тогда же посланъ былъ туда спатарій Илья, назначенный правителемъ Праклійскаго полуострова, и патрицій Барданъ, сосланный въ Крымъ за то, что разсказывалъ о снѣ, видѣнномъ имъ еще при Константинѣ IV, и обѣщавшемъ ему императорскую корону. Херсонцы, предвидѣвшіе роковую минуту, просили помощи у кагана, но онъ прислалъ только одного изъ своихъ сановниковъ (тудунъ), который, конечно, ничего не могъ сдѣлать для города. Съ приближеніемъ императорскаго флота, часть жителей убѣжала въ горы; изъ оставшихся сорокъ человѣкъ, между прочимъ тудунъ и протополитъ (начальникъ граждапъ) Зоилъ, отосланы были, въ оковахъ, въ Константинополь, съ ихъ семействами. Затѣмъ Стефанъ сжегъ медленнымъ огнемъ семерыхъ, самыхъ виновныхъ, и двадцать человѣкъ повѣсилъ; изъ остальныхъ жителей

мужчины были всѣ умерщвлены, женщины и дѣти обращены въ рабство. Въ Октябрѣ Стефанъ отправился назадъ и былъ застигнутъ ужасною бурей; адмиралъ и 73,000 войска погибли въ морѣ; тѣла ихъ доносимы были волнами до Амастриса и Понтской Ираклiи! Но ни казни Стефана, ни гибель флота, не укротили еще Юстиніанова гнѣва; онъ велѣлъ вооружить другой флотъ, который не долженъ былъ оставлять ни одной живой души въ Херсонѣ. Городъ былъ въ ужасномъ положеніи, но отчаяніе придало силы Херсонцамъ; самъ Илья и Барданъ приняли надъ ними начальство, но каганъ опять прислалъ имъ только немногихъ воиновъ. Юстиніанъ, избѣгая вражды съ своимъ родственникомъ, отправилъ къ нему посольство, съ 300 воиновъ, которое должно было извинить императора передъ каганомъ, возвратить протополита и тудуна и вмѣсто того привести въ Константинополь Илью и Бардана, которыхъ ожидала уже казнь за измѣну. Едва посланники императора вошли въ городъ, ворота были затворены, и они вмѣстѣ съ приверженцами Юстиніана были убиты; тудунъ, протополитъ и оставшіеся воины взяты были Хазарами, для представленія кагану; но только одинъ Зоилъ увидѣлъ его: потому что спутники Зоила были принесены Хазарами въ жертву на гробѣ умершаго въ дорогѣ тудуна. Херсонцы, не надѣясь на милость, предложили Ильѣ корону, и когда онъ отказался, провозгласили императоромъ Бардана, давъ ему названіе Филепика. Извѣстясь объ этомъ, Юстиніанъ бросился въ домъ Ильи, убилъ собственными руками двухъ его дѣтей и предалъ мать ихъ оскорбленіямъ. Но войско императора, подъ начальствомъ Мавра, не могло взять Херсона; каганъ подалъ наконецъ помощь городу и заставилъ Мавра снять осаду. Адмиралъ

и войско страшились явиться, не исполнивъ своего назначенія, предъ императоромъ, котораго ненавидѣли, и дали клятву въ вѣрности Бардану. Новый императоръ, съ Мавромъ и Херсонесцами, «которые (по словамъ Манасіи) были свирѣпы, какъ тигры и волки», отправился къ Константинополю и былъ встрѣченъ тамъ, какъ императоръ. Юстиніанъ, не зная ничего о судьбѣ своего флота, отправился берегомъ Чернаго моря къ Херсону, съ небольшимъ войскомъ, и встрѣченный на дорогѣ Ильею, обратился въ бѣгство; Илья догналъ его и поразилъ мечемъ. Тиверій, сынъ его, былъ лишенъ жизни Барданомъ (*).

За тѣмъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о Херсонѣ, въ теченіе болѣе ста лѣтъ. Не смотря на возрастающее могущество Хазаръ, онъ сохранялъ, кажется, свою независимость. Мало-по-малу Хазары покорили всѣхъ Крымскихъ Готѳовъ, не смотря на храбрую защиту ихъ при епископѣ Іоаннѣ (740), который самъ попалъ въ руки непріятелей. Число Готѳовъ было очень невелико и они наконецъ признали власть побѣдителей. На сѣверѣ владѣнія кагана расширились покореніемъ Болгаръ и нѣкоторыхъ поколѣній Славянъ Русскихъ. Хазары отличались большою терпимостью и справедливостію въ отношеніи къ побѣжденнымъ, покровительствовали Христіанамъ; но уже съ 749 г., по вліянію ученаго Еврея Исаака Синджари, приняли Іудейскую вѣру. Въ началѣ IX вѣка, хаганъ рѣшился построить себѣ новую столицу и вмѣстѣ укрѣпленіе противъ Печенѣговъ, и просилъ архитекторовъ у императора Ѳеофила, который воспользовался этимъ случаемъ, чтобы присое-

(*) Мы не знаемъ Херсонскихъ монетъ ни Юстиніана, ни его противниковъ.

динить къ своей имперіи Херсонъ, отдѣлившійся отъ нея около 120 лѣтъ. Шуринъ императора Петронасъ прибылъ съ флотомъ въ Крымъ, и, оставивъ военные корабли въ Херсонѣ, отправился къ устьямъ Дона и построилъ для хагана Саркелъ (ἄσπρον ὁσπίτιον, бѣлый гостепріимный домъ); по Карамзину то же, что Серклія, упоминаемая въ концѣ XIV в. митрополитъ Пименомъ, и по Нейману—Бѣлая Вежа, стоявшая у Качалинской станицы. Окончивъ постройку его, Петронасъ возвратился къ императору и объявилъ сыну, что онъ только тогда можетъ разсчитывать на покорность Херсона, когда будетъ назначать правителей его изъ Константинополя (834). Императоръ возвелъ его въ протоспатарія и назначилъ правителемъ (στρατηγός) Херсона; слѣдовательно городъ не зависѣлъ отъ Хазаръ и всегда считался принадлежностью Византіи. Съ этого времени мы опять находимъ Херсонскія монеты, производство которыхъ прекратилось съ Маврикія: на одной сторонѣ ихъ имя императора, а на другой—крестъ. Послѣ Романа II, буквы стали замѣнять монограммами, и Кёлеръ сдѣлалъ большую ошибку, принявъ послѣднія за названія Константинополя и протевоновъ; напротивъ, тогда сочли бы преступленіемъ и измѣною, еслибы чиновникъ выставилъ свое имя на монетѣ, выбитой по приказанію его государя. Преемникъ Θеофила, Михаилъ III, принялъ соправителемъ Василія Македонянина, и ихъ общее владѣніе Херсономъ выражается на монетахъ ихъ вензелемъ МВ.

Благоразумнымъ правленіемъ Василій I, Кефалосъ (867—886), успокоилъ имперію извнѣ и внутри. Онъ обратилъ вниманіе и на сѣверныя границы; убѣжденіями и подарками поддержалъ исповѣданіе Христіанской вѣры у Болгаръ. Извѣстно обращеніе Болгарскаго ца-

ря Богориса Мееодіемъ и путешествіе Константина (Кирилла) въ Херсонъ и къ Хазарамъ. Епископами Херсона были тогда Георгій II и Павелъ, занимавшій на соборѣ мѣсто между митрополитами и архіепископами. Хазары были на верху своего могущества; ихъ земли простирались отъ Яика до Днѣпра и Буга, отъ Каспійскаго моря до Чернаго, отъ средины Волги до Оки; Хазарамъ повиновались Финны, Славяне, Турки и Греки. Но Херсонъ и другіе пограничные города имперіи спокойно занимались своею торговлею (1). Не такъ счастливо было царствованіе Льва VI (836—982). Херсонцы, воспользовавшись войной императора съ Болгарами, для пріобрѣтенія свободы, убили въ 891 г. своего правителя Симеона. Мы не знаемъ обстоятельствъ этого возмущенія; но, судя по молчанію Константина Багрянороднаго, оно было неважно, и городъ, вѣроятно, по прежнему остался подъ вліяніемъ имперіи, конечно болѣе выгоднымъ для него, нежели покровительство варваровъ (2).

Романъ I (920—944) царствовалъ совершенно одинъ; его соправители не имѣли никакого значенія; зять его Константинъ, по примѣру отца, болѣе занятъ былъ своими учеными трудами, которымъ обязаны мы многими свѣдѣніями объ исторіи Херсона. Военныя дѣла Романа шли довольно удачно. Онъ заключилъ миръ съ Болгарами, побѣдилъ Сарацинъ; силы Хазаръ уменьшались въ борьбѣ съ Русскими и Печенѣгами. Эти послѣдніе, называемые у Гре-

(1) Херсонскія монеты Василія представляютъ одно его имя; другія монеты выбиты были, когда онъ назвалъ (868) Августомъ сына своего Константина VIII, умершаго въ 879 г.

(2) Есть различныя выбитыя въ Херсонѣ монеты императора Льва, его брата Александра, и ихъ обоихъ вмѣстѣ.

ческихъ писателей Пацинаками, а у Арабскихъ — Беджемаками, были Тюркскаго происхожденія и говорили однимъ языкомъ съ Куманами; вытѣсненные Узами изъ своего отечества на Волгѣ, они заняли мѣста между Дономъ, Дунаемъ и Чернымъ моремъ и, вѣроятно, часть Крыма: потому что Константинъ Багрянородный называетъ ихъ сосѣдями Херсона. Онъ замѣчаетъ, что императоры должны поддерживать дружескія отношенія съ Печенѣгами, чтобы пользоваться ихъ силами противъ Русскихъ и Турокъ (т. е. Болгаръ). Печенѣги были въ торговыхъ сношеніямъ съ Херсономъ; впрочемъ, политическою независимостью они пользовались недолго. Въ то же время приходятъ въ связь съ Византіею Русскіе Славяне: уничтоживъ въ своихъ земляхъ владычество Хазаръ, они нѣсколько разъ предпринимали походы къ Константинополю, и Херсонъ также имѣлъ свою долю участія въ этихъ событіяхъ. Къ нему относится нѣсколько статей Игорева договора.

Въ седьмой статьѣ было постановлено, что Русскій князь не долженъ присвоивать себя Херсона и маленькихъ городовъ, отъ него зависящихъ; и если Русскому князю случится вести войну недалеко отъ Херсона (напр. съ Хазарами или Печенѣгами), и ему нужны будутъ войско, то императоръ пришлетъ ему извѣстное число воиновъ. Девятою статьей Русскіе обѣщали не безпокоить Херсонцевъ, которые будутъ пріѣзжать для рыбной ловли къ устьямъ Днѣпра, и въ десятой статьѣ князь Русскій обязывался отклонять Черныхъ Болгаръ, сосѣдей Херсона, отъ войны съ этимъ городомъ. Отсюда видно, какъ старались Греческіе императоры покровительствовать Хер-

сону — важнѣйшему городу на сѣверныхъ предѣлахъ имперіи.

Въ житіи св. Стефана (Сурожскаго) разсказывается, что Руссы Новогородскіе, съ княземъ своимъ Бравлиномъ или Бравелиномъ, напали на Крымъ, разграбили Керчь и Корсунь (Херсонъ), и отъ туда пошли къ Сурожу (Судакъ), гдѣ Бравлинъ, убѣжденный краснорѣчіемъ св. Стефана, обратился къ Христіанству и былъ крещенъ. Онъ возвратилъ свободу Керчинскимъ и Херсонскимъ плѣнникамъ, далъ богатые дары св. Стефану и воротился въ Новгородъ. Объ этомъ упоминаетъ также Новогородская лѣтопись и хронографъ библіотеки Демидова; но разсказъ вообще теменъ и еще нуждается въ объясненіи. Гг. Востоковъ и Куникъ имя князя читаютъ *бранливъ*, такъ что оно является не собственнымъ именемъ, а прозваніемъ (воинственный, храбрый), и исторія должна относиться къ другому времени, мѣсту и лицамъ: потому что Византійцы не передаютъ о ней никакихъ свѣдѣній. Быть можетъ, она смѣшана въ послѣдствіи съ разсказомъ о походѣ в. к. Владиміра Равноапостольнаго (*).

Константинъ X Багрянородный (944—959), сдѣлавшійся теперь императоромъ, какъ мы сказали, болѣе занимался науками и литературой, нежели правленіемъ; но его полководцы побѣждали Сарацинъ, Лонгобардовъ и Арабовъ. Съ Русскими онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ; великая княгиня Ольга послѣ крещенія получила отъ

(*) Отъ времени Романа осталось нѣсколько Херсонскихъ монетъ съ монограммою его имени, доказывающими зависимость отъ него Херсона.

него драгоцѣнные подарки (*). Константинъ оставилъ между прочимъ любопытныя свѣдѣнія о Херсонѣ; но та глава его сочиненія, въ которой говорилось о древней исторіи города, къ сожалѣнію, потеряна. Въ то время Херсонъ далъ свое имя цѣлой провинціи (тема), къ которой принадлежали и владѣнія Босфора. Упомянутая нами торговля съ Печенѣгами происходила очень правильно; варвары получали изъ Херсона пурпурныя ткани (βλάττια), шелковые и др. пояса (πράνδια), запястья (χαρέρια), дорогія матеріи и украшенія (σήμεντα), барсовые кожи и другіе товары, приходившіе изъ Азіи. Такимъ образомъ Херсонъ былъ посредникомъ въ торговлѣ между Азіею и Европою и, безъ сомнѣнія, онъ былъ очень богатъ. Варвары щадили городъ, доставлявшій имъ предметы восточной роскоши, и любопытно видѣть, какъ императоръ защищаетъ Херсонъ и Климаты — послѣднія владѣнія его въ этой землѣ. Это послѣднее названіе (κλίματα) Дюбуа объясняетъ склоненіемъ земли (къ сѣверу) и означаетъ ими сѣверную вѣтвь горъ Тавриды. Климаты занимаютъ ту же землю, которая прежде называлась Дори, и развалины, находимыя здѣсь, принадлежатъ, быть можетъ, постройкамъ Юстиніана.

По отдаленности этой провинціи, не льзя было держать въ ней значительный гарнизонъ, и чтобы поддержать свое господство надъ ней, императоръ долженъ

(*) По этому случаю, быть можетъ, попала въ Россію великолѣпная чаша изъ агата съ драгоцѣнными каменьями, принадлежащая графу С. Г. Строганову, въ Москвѣ, и описанная въ «Древностяхъ Росс. Госуд.», т. I, стр. 43. Этотъ драгоцѣнный памятникъ носитъ имя и титулы Константина X и долго употреблялся при вѣнчаніяхъ великихъ князей.

былъ пускаться въ интриги, и вооружать Болгаръ и Печенѣговъ на Русскихъ, а Албанцевъ или Аланъ на Хазаръ. Константинъ помѣщаетъ Аланъ на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, и, по мнѣнію его, они могли служить прекрасной засадой въ случаѣ войны съ Хазарами.

Въ церковномъ управленіи Херсонъ принадлежалъ Зихіийской епархіи (Ζηχία) и былъ мѣстопребываніемъ архіепископа, 24-го по порядку іерархіи; въ той же епархіи былъ округъ Босфорскаго архіепископа — 25-го по этому порядку. Въ послѣдствіи эти архіепископства стояли уже на 58—59 степени. Два сосѣднія архіепископства, Готское и Сугдейское (Судакское), учрежденныя Львомъ VI, были преобразованы въ митрополіи имп. Константиномъ Палеологомъ (1282—1328).

Константинъ X умеръ или былъ отравленъ въ 959 г. Мы имѣемъ Херсонскія монеты его времени, и подобные памятники служатъ единственными источниками для исторіи Херсона при сынѣ его, Романѣ II (+963). Правленіе Никифора Фоки (963—969) совпадаетъ съ княженіемъ Святослава; побѣды надъ Хазарами, Ясами и Касогами и взятіе Таматархи или Тмутаракани (недалеко отъ развалинъ Фанагоріи) приблизили Русскихъ къ границамъ имперіи. Однако Никифоръ, хотя и съ трудомъ, поддерживалъ мирныя сношенія съ Русскими; Херсонъ сохранялъ свою старинную роль пограничнаго города, имя котораго постоянно упоминалось въ договорахъ съ сосѣдями (*). Обстоятельства измѣнились при Іоаннѣ Цимисхіи (969—975); занятіе Святославомъ Болгаріи подало поводъ къ упорной борьбѣ; Русскіе, хотя и были побѣжде-

(*) Есть Херсонскія монеты имп. Никифора.

ны, но оставили Болгарію, заслуживъ глубокое удивленіе храбраго императора. Выходя изъ Доростола (Дристра, теперь Силистрія), они получали отъ Грековъ съѣстные припасы и купцамъ Русскимъ дозволено было приходить для торговли въ Константинополь. Въ договорѣ по этому случаю постановлено было между прочимъ, что Русскіе не должны приводить въ Грецію, или въ земли Херсона, или въ Болгарію, ни своего, ни чужеземнаго войска. Побѣды Цимисхія сохранили для имперіи Херсонъ, которому уже грозилъ непріятель. Къ этому времени мы относимъ разсказъ, сохранившійся въ фрагментахъ Парижской библіотеки; онъ написанъ однимъ военачальникомъ (στρατηγός) императора въ Херсонѣ, защищавшимъ городъ отъ нападенія варваровъ, подъ которымъ онъ понимаетъ, вѣроятно, Русскихъ. Г. Газе, которому мы обязаны изданіемъ этихъ фрагментовъ, несправедливо относитъ разсказъ къ осадѣ Херсона Владиміромъ. Подробности этой послѣдней, точно переданныя у Нестора, здѣсь вовсе не упоминаются, и по всему разсказу видно, что городъ сохранился для имперіи. Непріятели, пришедшіе вѣроятно изъ Тамани, утвердились на Херронесскомъ полуостровѣ; жители полуострова, видя ихъ справедливость и мягкость въ обхожденіи, признали большею частью ихъ господство. Но лишь только они увидѣли себя властителями Тавриды, они совершенно перемѣнились, стали притѣснять жителей, отрубали мужчинамъ руки, и въ короткое время десять городовъ и пятьсотъ селеній были оставлены жителями, бѣжавшими отъ жестокости варваровъ. Наконецъ общее бѣдствіе соединило жителей противъ иноземцевъ; безъименный авторъ того разсказа принялъ начальство надъ возставшими и

началъ войну. Непріятель имѣлъ значительное войско пѣхоты и конницы и заставилъ Грековъ отступить въ полуразрушенный городъ, гдѣ они защищались, какъ въ открытой деревнѣ. Авторъ нашелъ убѣжище въ укрѣпленныхъ Климатахъ и для защиты города построилъ замокъ, обведенный рвомъ; Греки снесли сюда свои сокровища, весь городъ былъ занятъ бѣглецами и замокъ былъ только цитаделью. По удаленіи непріятеля, безъименный стратегъ сдѣлалъ вылазку или рекогносцировку съ сотнею всадниковъ и двумя стами пращниковъ и стрѣлковъ изъ лука, и не нашедши нигдѣ варваровъ, возстановилъ стѣны города и извѣстилъ разсѣявшихся подданныхъ императора, чтобъ они присоединились къ нему, для отпора враговъ. Жители собрались, но никакъ не хотѣли соединиться съ императорскими войсками; они мало заботились о Грекахъ, и болѣе сочувствовали варварамъ, жившимъ на сѣверѣ отъ Истра, на которыхъ похожи были своими правами и обычаями.

Изъ этого видно, что большая часть жителей полуострова состояла изъ Хазаръ, Печенѣговъ и другихъ варваровъ, которые поневолѣ повиновались Грекамъ; собственно же Греческое населеніе было только на югѣ, въ Херсонѣ и Климатахъ.

Эти варвары рѣшились отправиться къ начальнику или князю тѣхъ, которые приходили въ Херсонесъ, и поручили безъименному автору вести съ нимъ переговоры. Результаты были выгодны для всѣхъ: потому что авторъ былъ утвержденъ правителемъ Херсона и получилъ значительные доходы.

Фрагментъ не говоритъ, что стратегъ сдался непріятелю. Лишенный помощи императора, онъ могъ

только этимъ договоромъ сохранить своему государю южную часть Тавриды. Въ другомъ мѣстѣ разсказываются опасности, которымъ подвергался авторъ во время путешествія на сѣверѣ отъ Тавриды, вѣроятно къ упомянутому князю, къ которому онъ отправился зимою, когда дороги бываютъ трудны и даже опасны, по причинѣ разлитія рѣкъ. Газе относитъ эти фрагменты къ концу X вѣка. По взятіи Херсона в. к. Владиміромъ, Греки были въ дружескихъ отношеніяхъ съ Русскимъ княземъ, уже христіаниномъ, и разсказъ долженъ принадлежать болѣе ранней эпохѣ, можетъ быть ко времени Сарацинскихъ войнъ, отвлекавшихъ вниманіе императоровъ отъ Херсона. Вѣроятно, по поводу этихъ событій, Херсонъ укрѣпленъ былъ новыми стѣнами, которыя уже нашелъ в. к. Владиміръ, и враги эти были не Печенѣги, которыхъ вліяніе въ Тавридѣ никогда не было значительно.

Рѣдкіе государи царствовали такъ долго, какъ императоръ Василій II (975—1025), носившій названіе Августа въ продолженіе 65 лѣтъ; но спокойствіе имперіи не разъ нарушаемо было внутренними возмущеніями и войнами противъ Болгаръ и Русскихъ.

Послѣдній изъ сыновей Святослава, Владиміръ, управлялъ тогда сильнымъ государствомъ. При помощи Варяговъ овладѣвъ всѣми землями своего отца, онъ царствовалъ отъ моря Балтійскаго до Херсона, почти надъ всею нынѣшнею Европейскою Россіею.

Владиміръ, соревнуя славѣ предковъ, объявилъ войну императору и повелъ самъ войско противъ богатаго города Херсона, послѣдняго убѣжища Грековъ на Киммерійскомъ полуостровѣ. Флотъ присталъ къ Лиману и высадилъ войска, осадившія городъ. Херсонцы защищались

храбро, не взирая на угрозы великаго князя продолжать осаду въ теченіе трехъ лѣтъ. Они подвели мины и уносили ночью въ городъ землю, которою Руссы засыпали рвы. Но цѣль, не достигнутая оружіемъ, была достигнута хитростью. Приверженный къ великому князю Херсонскій монахъ Анастасій, посредствомъ стрѣлы, пущенной въ Русскій лагерь, присовѣтовалъ князю пресѣчь источники, находившіеся на востокъ отъ города, откуда горожане получали воду. При этомъ извѣстіи, какъ повѣствуетъ Несторъ, Владиміръ воскликнулъ: если это правда, приму св. крещеніе.

Броніовіусъ, посланникъ Польскаго короля Стефана Баторія, описываетъ подземный водопроводъ, которымъ воспользовался Владиміръ; Дюбуа нашелъ этотъ источникъ, недалеко отъ имѣнія г. Ушакова, и глиняныя трубы, разрушенныя Владиміромъ. Странно, что Византійцы ничего не говорятъ объ этомъ взятіи Херсона; Левъ Діаконъ упоминаетъ о немъ.

Правда, что занятіе этого города Русскими было только временное, но оно имѣло важныя послѣдствія — крещеніе великаго князя и бракъ его съ сестрою императоровъ. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ до насъ дошли отъ многихъ Византійскихъ писателей только отрывки, то очень вѣроятно, что рано или поздно будетъ найдена какая-нибудь Греческая лѣтопись, которая подтвердитъ эти событія и тѣмъ дополнитъ разсказы Славянскихъ лѣтописцевъ.

Овладѣвъ Херсономъ, Владиміръ потребовалъ руки княжны Анны, сестры императоровъ Василія и Константина. Не смотря на совѣтъ Константина Багрянороднаго

избѣгать связей съ Русскими князьями, императоры не могли отказать въ просьбѣ столь сильному сопернику, каковъ былъ Владиміръ; они требовали только, чтобы онъ принялъ крещеніе передъ бракомъ. Этого желалъ уже давно Владиміръ; онъ просилъ только прислать къ нему невѣсту для присутствованія при крещеніи.

Княжна, полная страха и смятенія, прибыла въ Херсонъ, гдѣ народъ принялъ ее, какъ свою освободительницу. На площади находилась тогда церковь Св. Богородицы, между двумя дворцами, изъ коихъ одинъ занималъ великій князь, а другой княжна. Эти два дворца, коихъ слабые слѣды еще нынѣ существуютъ, построены были вѣроятно для протевона и стратига и служили присутственными мѣстами.

Владиміръ принялъ св. крещеніе отъ архіепископа Херсона и былъ торжественно обрученъ съ Анною, для которой онъ пожертвовалъ другими своими женами, даже любимою своею Рогнѣдою, дочерью Варяга Рогвольда Полоцкаго.

Мы уже упомянули о церкви, откуда распространился на Россію свѣтъ христіанской вѣры. Къ сожалѣнію, не сохранилось развалинъ этой церкви. Г. Дюбуа говоритъ, что эта церковь была образецъ Византійскаго зодчества. Средняя часть ея поддерживалась столпами изъ прекраснаго кристаллизированнаго мрамора съ синеватыми жилками. Большіе Византійскіе кресты украшали капители Коринѳскаго ордена, равно какъ и шафты столбовъ.

Владиміръ, второй Константинъ Россіи, получившій также прозваніе Великаго и Равноапостольнаго, въ воспоминаніе своего крещенія, построилъ церковь на земляной на-

сыпи, образовавшейся отъ споса осажденными земли посреди города. Слѣды этой церкви исчезли, да и самое имя ея неизвѣстно!

Въ Херсонѣ была еще другая значительная церковь, построенная на развалинахъ храма Артемиды, отъ которой сохранились нѣкоторые остатки. Дюбуа описываетъ эти развалины; но ошибается, думая, что эта церковь, можетъ быть, церковь Св. Василія, была та самая соборная церковь, въ коей Владиміръ принялъ св. крещеніе: потому что Несторъ ясно говоритъ, что соборная церковь, въ которой крестился великій князь, находилась на площади между двумя дворцами. Церковь, о которой идетъ рѣчь, принадлежала Греческому монастырю во время Броніовія, и ученый Польскій посланникъ увѣряетъ, что въ этой церкви (св. Василія) были половинки дверей изъ Коринѳской бронзы. Греческіе священники называли ихъ царскими вратами, а Владиміръ взялъ ихъ и перевезъ въ Кіевъ, откуда, по взятіи этого города, король Болеславъ II-й отправилъ оныя въ ознаменованіе своей побѣды въ Гнѣзно? И нынѣ онѣ украшаютъ собою соборную церковь этого города.

Кромѣ этихъ дверей, великій князь взялъ съ собою священниковъ, различные церковные предметы, мощи св. Климента, о которомъ мы говорили выше, также мощи его ученика Ѳивы, которыя всѣ были перенесены въ Десятинную церковь, въ Кіевъ. Онъ взялъ также изъ Херсона четыре бронзовые коня, которые существовали еще цѣлый вѣкъ послѣ, во время Нестора, и стояли на площади въ Кіевѣ.

Княжна Анна принесла съ собою въ приданое великолѣпныя золотыя бармы, украшенныя финифтью, жемчу-

гомъ и драгоцѣнными камнями, которыя составляли часть сокровищъ, у древнихъ великихъ князей по росписямъ XV вѣка. Неизвѣстно, въ какую эпоху скрытыя подъ землею, онѣ 1822 г. найдены были въ Рязани и составляютъ, по нашему мнѣнію, часть тѣхъ предметовъ, которые Византійскій императоръ подарилъ своему шурину. По стилю работы можно отнести ихъ именно къ эпохѣ пребыванія Владиміра въ Херсонѣ.

Часть Русскаго войска присоединилась къ императорской арміи для похода противъ Варды Фоки, и именно Русскіе, при Хризополѣ, плѣнили Калокира Дельфина, сына Херсонскаго протевона, о которомъ мы говорили нѣсколько разъ и которые былъ посаженъ на колъ на мѣстѣ своей палатки.

Изъ всѣхъ этихъ разсказовъ слѣдуетъ, что великій князь заключилъ съ императоромъ миръ, главными условіями коего были: возвращеніе Херсона, бракъ Владиміра съ Анною и посылка вспомогательной Русской дружины. Два послѣднія условія подтверждаются Греческими лѣтописцами не какъ условія, а какъ простые историческіе факты. Историки Арабскіе и Нѣмецкіе также повѣствуютъ о бракѣ Владиміра съ дочерью Византійскаго императора.

Владиміръ возвратился въ свое государство и ввелъ тамъ съ благочестивымъ рвеніемъ вѣру Христову. Онъ былъ вспомоществуемъ въ этомъ монахомъ Анастасіемъ и митрополитомъ Михаиломъ, которому въ 999 г. наслѣдовалъ Левъ (Леонтій). Затѣмъ упоминается Іоаннъ, митрополитъ, преемникъ Льва. Несторъ и другіе лѣтописцы говорятъ, что первымъ митрополитомъ въ Кіевѣ былъ Ѳеопомптъ. Во время войнъ съ своими языческими сосѣдями,

Хорватами и Печенѣгами, Владиміръ построилъ въ Кіевѣ, съ помощью Генуэзскихъ архитекторовъ, знаменитую Десятинную церковь. При ней онъ помѣстилъ Анастасія, ей отдалъ онъ образа и всѣ священные предметы, взятые изъ Херсона. Онъ воздвигъ многія другія церкви и первый ввелъ у Руссовъ, при помощи великой княгини Анны, мирные нравы.

Владиміръ отдалъ землю Тмутараканскую сыну своему Мстиславу, съ коимъ соединились войска императорскія подъ начальствомъ Андроника для битвъ съ Крымскими Хазарами. Слѣдовательно видно, что въ договорѣ императора съ Владиміромъ весь Крымъ, именовавшійся тогда Хазаріею, обѣщанъ былъ Грекамъ. Чтобы скорѣе покорить Крымъ, Владиміръ отправилъ туда въ 1016 году флотъ съ Вардою Дукомъ, прозваннымъ Монгусомъ, который, высадивъ тамъ свои войска, соединился съ Русскимъ княземъ Сфенгомъ, можетъ быть двоюроднымъ братомъ Владиміра. Они побѣдили послѣдняго хагана Георгія Зулу и взяли его въ плѣнъ.

Таврида снова стала принадлежать Грекамъ: Руссы-союзники, получившіе, вѣроятно, богатые подарки, удержали за собою Азіатскую часть Босфора, землю Тмутараканскую, откуда они покорили Хазаровъ и Касоговъ, жившихъ въ окрестностяхъ до 1023 года, когда Мстиславъ съ войскомъ, въ которомъ находились воины обоихъ покоренныхъ народовъ, возвратился въ Россію для управленія восточною частію ея.

Съ того времени мы часто встрѣчаемъ Русскихъ воиновъ подъ знаменами Греческихъ императоровъ, преимущественно же въ Болгаріи и Азіи, и за исключеніемъ похода Варяга Хризохира съ 800 храбрыхъ воиновъ, кон-

чившагося совершеннымъ ихъ пораженіемъ на островѣ Лемносѣ, миръ между Греками и Руссами сохранился до 1043 года.

Начиная съ этой эпохи, извѣстія, относящіяся до исторіи Херсона, становятся совершенно не полны. Городъ постоянно былъ окруженъ скитавшимися варварами, которыхъ междоусобные раздоры помогли Херсону сохранить свою независимость. Императоры различныхъ династіи слѣдовали другъ за другомъ, и почти всѣ были свергаемы съ престола, который переходилъ къ каждому изъ нихъ посредствомъ насилія. Внутреннія войны, нападенія сосѣднихъ народовъ нарушали спокойствіе имперіи, и въ одной только столицѣ, окруженной крѣпкими стѣнами, могли еще процвѣтать искусства.

Кромѣ этихъ страшныхъ враговъ, имперіи угрожали еще Турки, Узы и Команы. Турки завладѣли Персіею въ 1047 году, и оттуда нападали на провинціи имперіи. Въ 1071 году, даже самъ императоръ Романъ IV Діогенъ взятъ ими въ плѣнъ; но они обходились съ нимъ съ уваженіемъ, воздавая ему всевозможныя почести, приличныя его сану, и послѣ четырехлѣтняго заключенія возвратили ему свободу.

Объ Узахъ упоминается при Львѣ VI, какъ о сосѣдяхъ Печенѣговъ. Они называются также Уды, Удзы, отъ рѣки Уды, берега которой были ихъ отечествомъ. Узы, такъ какъ и союзники ихъ Мордва, происходятъ отъ Турокъ. Во время Константина Багрянороднаго они жили на Ателѣ (т. е. Волгѣ) и на Яикѣ. Въ прежнее время, отдѣленные отъ Печенѣговъ пятидневнымъ путемъ, они, какъ и Хазары, приблизились къ сему народу, и уже при Константинѣ Дукѣ сдѣлались ближай-

шими сосѣдями имперіи, на которую дѣлали частыя нападенія. Но позже они стали вступать въ службу къ императору противъ Печенѣговъ; мечъ сихъ послѣднихъ, а также голодъ и язва совершенно ихъ истребили, такъ что въ XII столѣтіи имя ихъ исчезло изъ исторіи.

Подобно Узамъ, получившимъ свое названіе отъ рѣки Узы, Команы получили свое прозваніе отъ Комы (Кума). Они встрѣчаются также подъ именемъ Половцевъ, Партовъ и пр. Подобно Печенѣгамъ, они были происхожденія Турецкаго, что однакожь не препятствовало имъ воевать съ ними и разрушить ихъ могущество около 1050 года. Расположенные по степямъ Днѣпровскимъ, они дѣлали частые набѣги на Польшу. Около конца XVIII столѣтія, Команы заняли Крымъ до самыхъ стѣнъ Херсона, какъ это видно изъ исторіи Лже-Діогена.

Этотъ человѣкъ, родомъ изъ плебеевъ, выдалъ себя за Константина, сына Романа Діогена. Въ началѣ онъ былъ для всѣхъ посмѣшищемъ; но позже, въ 1096 году, его сослали въ Херсонъ; тамъ изъ башни, назначенной ему жилищемъ, онъ сносился съ Команами, находившимися тогда въ Херсонѣ по дѣламъ торговли. Онъ спустился къ нимъ по веревкѣ, послѣдовалъ за ними въ ихъ землю, и увѣрилъ ихъ, что онъ сынъ умершаго императора. Провозглашенный варварами императоромъ, онъ съ ними напалъ на Ѳракію и привелъ въ ужасъ Алексѣя I, Комнина, который, не рѣшившись подвергнуться опасности войны, укрылся въ стѣнахъ Анхіаля. Команы осадили Адріанополь; но самозванецъ попалъ въ руки къ Грекамъ, которые выкололи ему глаза. Варвары, лишенные такимъ образомъ своего предводителя, были побѣждены и выгнаны изъ Ѳракіи.

Настоящій Константинъ Діогенъ уже давно лишился жизни близъ Антіохіи; братъ его, Левъ, нашедши убѣжище у Русскихъ и женившись на Маріи, дочери великаго князя Владиміра Мономаха, побѣдилъ съ помощью своихъ союзниковъ города на Дунаѣ. Но Алексій нашелъ средство его умертвить, и все имъ завоеванное присоединилъ къ имперіи.

Между тѣмъ союзъ съ Греками былъ нарушенъ. Св. Владиміра уже давно не было въ живыхъ, и богатый Константинополь опять возбудилъ въ князьяхъ Русскихъ желаніе завоеваній. Однакожь походъ князя Владиміра, сына Ярослава (Георгія) Новогородскаго, былъ не успѣшенъ. Флотъ его былъ дважды разбитъ, въ особенности съ помощью Греческаго огня; близъ Варны была истреблена часть сухопутной арміи, и Владиміръ съ остаткомъ своей дружины и множествомъ плѣнныхъ возвратился въ Кіевъ въ 1043 году.

Русскіе ничего не предпринимали противъ Херсона, не смотря на флотъ, употребленный въ этомъ походѣ. Кажется, что Херсонцы были въ хорошихъ отношеніяхъ съ своими Русскими сосѣдями, въ особенности съ тѣми, которые населяли Тмутаракань. Это доказывается исторіею ихъ катапана (протевона или стратига).

Ростиславъ Владиміровичъ прибылъ изъ Новагорода въ Тмутаракань и завладѣлъ сею землею, изгнавъ молодаго князя Глѣба Святославича. Оттуда онъ дѣлалъ нападеніе на Кассоговъ и на другихъ народовъ, и съ такимъ успѣхомъ, что Херсонцы, исполненные страха, послали къ нему ихъ катапана. Дабы избавиться отъ князя, катапанъ, вкравшійся въ его довѣренность, пустилъ въ стаканъ Ростиславу ядъ, спрятанный подъ ногтемъ. Послѣ того онъ

отправился въ Херсонъ и, зная дѣйствіе яда, объявилъ, что князь умретъ на седьмой день. Въ самомъ дѣлѣ, Ростиславъ умеръ 3 Февраля 1064 года; но Херсонцы, ненавидя преступленія, побили убійцу камнями.

Въ Тмутаракани, послѣ смерти Ростислава, въ продолженіе нѣкотораго времени, часто перемѣнялись правители. Городъ Тмутаракань служилъ убѣжищемъ многихъ князей Русскихъ, пока наконецъ Олегъ Святославичъ, послѣ возвращенія своего съ острова Родоса, гдѣ онъ находился въ ссылкѣ, не покорилъ этотъ городъ въ 1084 году, вѣроятно съ помощью Грековъ. Около этого же времени, другой князь Русскій, Давидъ Игоревичъ, взялъ городъ Олехію, прежній Оленусъ, находившійся на Понтѣ Эвксинскомъ, противъ Херсона. Но вскорѣ великій князь Всеволодъ вызвалъ его, давши ему въ удѣлъ Дорогобужъ, на Волыни.

Сестренцевичъ разсказываетъ исторію возмущенія Херсонцевъ въ 1078 году, противъ императора Михаила VII, не хотѣвшаго покровительствовать ихъ торговлѣ въ ущербъ постоянно возраставшей торговлѣ города Судака (Солдая). Михаилъ, воюя тогда съ Болгарами, просилъ помощи великаго князя Всеволода, который послалъ противъ Херсонъ войско подъ начальствомъ своихъ сыновей Владиміра и Глѣба. Но въ это время Михаилъ удалился въ монастырь; а какъ преемникъ его, Никифоръ III, не имѣлъ сношеній съ Русскими, то великій князь воротилъ свои войска.

Ученый архіепископъ не говоритъ, откуда имъ почерпнуты эти свѣдѣнія, о которыхъ не упоминаютъ ни Русскіе, ни Византійскіе писатели. Напротивъ того, Михаилъ тогда воевалъ, но не съ Болгарами, а съ двумя Ни-

кифорами, претендантами на корону; Всеволодъ, занятый внутренними войнами, не могъ воевать противъ Херсона.

Другой разсказъ Сестренцевича столь же мало имѣетъ историческаго значенія. Изъ исторіи войны Владиміра Мономаха съ Греками и съ Генуэзцами, опровергаемой справедливо Карамзинымъ и другими, онъ заключаетъ, что удѣльный князь Владиміръ Всеволодовичъ, въ 1095 году, пошелъ съ наемниками изъ Турокъ и Хазаръ, съ цѣлью требовать удовлетвореніе за нѣсколько кораблей, взятыхъ у Русскихъ императоромъ Алексіемъ I; Херсонцы принуждены были отдать корабли. Но Сестренцевичъ забываетъ, что первые слѣды колоніи Генуэзской въ Крыму встрѣчаются въ половинѣ XIII столѣтія; вообще весь этотъ разсказъ не имѣетъ ни малѣйшаго историческаго основанія.

Архіепископомъ Херсона во время Алексія былъ Ѳеодоръ, котораго извѣстно одно имя.

Извѣстія о послѣдующей эпохѣ также весьма скудны. При Іоаннѣ II Комнинѣ, наслѣдовавшемъ отцу своему, Алексію, и знаменитомъ счастливыми войнами своими въ Азіи, внутренніе раздоры и дружескія отношенія съ императоромъ удержали Русскихъ сосѣдей имперіи отъ вторженія въ оную. Іоаннъ упрочилъ эти отношенія, помолвивъ сына своего Алексія II съ дочерью Мстислава Владиміровича, внукою Владиміра Мономаха (около 1122).

При Мануилѣ (отъ 1143 до 1180 года), сынѣ и наслѣдникѣ Іоанна, согласіе между императоромъ и Русскими длилось для благополучія и мира Херсона и сѣверныхъ областей имперіи. Сохраненъ также былъ миръ съ Болгарами, что дало возможность городу спокойно зани-

маться торговлею. Ѳеофанъ, учавствовавшій на соборѣ въ 1147 году, былъ въ это время архіепископомъ Херсона.

Херсонъ не долго однакожь зависѣлъ отъ скипетра Трапезундскаго императора. Уже въ 1222 году Татары взяли и разграбили Судакъ, а послѣ битвы при Халкѣ, 31 Мая 1223 года, не только чиновники императора, о которыхъ мы только что сказали, но и многія другія лица покинули эти страны. Въ числѣ бѣжавшихъ находился священникъ Евстафій; бросивъ все свое имущество и спасая только чудотворный образъ Св. Николая, онъ отплылъ со всѣмъ своимъ семействомъ и въ Августѣ мѣсяцѣ того же года чрезъ Ригу прибылъ въ Новгородъ.

Татары и Италіянцы, утвердившись въ Крыму, ослабили вліяніе Грековъ; кажется даже, что Херсонъ пользовался нѣсколько времени прежнею свободой и независимостью,

Въ 1253 году, монахъ Рубриквисъ (Ruisbroek, Rubriquis), посланникъ Людовика Святаго у великаго князя Московскаго, нашелъ Херсонъ городомъ свободнымъ; онъ упоминаетъ объ одной церкви, построенной, какъ говорятъ, ангелами, на островѣ, принадлежащемъ этому городу.

Около 1300 году, Турки пришли въ Тавриду; Татары побѣдили ихъ послѣ кровавой битвы, и принудили удалиться въ Херсонъ, откуда они возвратились въ Азію.

Италіянцы, а именно Генуэзцы и Венеціанцы, утвердившіеся уже около полустолѣтія въ Крыму, завладѣли всею торговлею полуострова, и въ то же время Италія пыталась установить тамъ религіозное свое вліяніе. Въ 1333 году, папа Іоаннъ XXII послалъ въ Херсонъ епископа Рихарда, и около того же времени Францискъ Камерино, находившійся тогда въ Константинополѣ, былъ назначенъ

епископомъ Римскимъ Воспы (Воспора), въ Хазаріи (Chazaria). Рихарду поручено было построить въ Херсонѣ церковь во имя Св. Климента, утвердившаго тамъ, какъ мы видѣли, своею смертью вѣру Христіанскую, которую онъ проповѣдывалъ. Оба они получили приказаніе начать переговоры съ императоромъ Андроникомъ III о соединеніи восточной церкви съ Римскою, о чемъ уже мечтали многіе папы.

Латинская церковь долго существовала въ Херсонѣ. Еще отъ 1643 до 1650 года, одинъ Полякъ, Міасковскій, носилъ титулъ епископа Херсонскаго, въ то время, когда городъ уже находился въ развалинахъ. Міасковскій въ то же время былъ настоятелемъ церкви въ Өеодосіи (Каффа), бывшей ея резиденціею.

Но разумѣется, что вмѣстѣ съ церквію Латинскою, въ Херсонѣ была церковь Греческая, древнѣйшая. Архіепископъ ея, Левъ, находился на соборѣ Константинопольскомъ въ 1280 году. Позже архіепископство Херсонское долженствовало быть даже повышено въ митрополію: ибо въ 1400 году патріархъ Константинопольскій посвящалъ митрополита Херсонскаго. Еще въ началѣ XVII столѣтія весьма большой Греческій монастырь сохранился въ развалинахъ города; кажется, что онъ зависѣлъ отъ церкви Св. Василія, о которой мы говорили выше

Болѣе всего привело въ упадокъ Херсонъ возрастающее могущество Каффы и Судака.

Скажемъ подробнѣе о Каффѣ — Генуэзской колоніи, построенной на развалинахъ древнихъ городовъ Өеодосіи и Каффы, и вскорѣ сдѣлавшейся столь важнымъ городомъ, что ее стали именовать Константинополемъ Тавриды.

Судакъ (Солдая), на западъ отъ Каффы, былъ замѣчательный городъ, въ которомъ поселились въ началѣ XIII столѣтія Италіянскіе купцы, преимущественно же Генуэзцы, и откуда они вели торговыя сношенія съ одной стороны съ Азіею, а съ другой — съ Константинополемъ. Хотя Судакъ, какъ говоритъ монахъ Рубриквисъ, и обязанъ былъ платить Монголамъ подать, тѣмъ не менѣе однакожь положеніе его было почти независимое. 10 Іюля 1365 года, онъ завоеванъ былъ Генуэзцами подъ предводительствомъ Каффскаго консула Бартоломео-ди-Жаноне, а въ 1475 году, вмѣстѣ съ Генуэзскими колоніями въ Крыму, палъ во власть невѣрныхъ. Во время Абуль-Феды Судакъ былъ столь же важнымъ городомъ, какъ и Каффа.

Исмаилъ Абуль-Феда, около 1331 года, упоминаетъ о городѣ Херсонѣ подъ Турецкимъ прозваніемъ Саракермана (желтая крѣпость): это еще не доказываетъ, что уже въ то время онъ былъ во власти Турокъ. Городъ получилъ вновь свободу, но уже не имѣлъ той важности; договоръ, заключенный въ 1350 году, между Генуэзцами и Греками, рѣшительно уничтожилъ его торговлю, воспретивъ всякія торговыя сношенія съ берегами Чернаго моря и Меотиды, а именно съ Херсономъ. Императоръ не могъ уничтожить этого договора; такимъ образомъ перешла во власть Генуэзцевъ вся столь значительная торговля Чернаго моря, которой этотъ городъ обязанъ былъ своимъ величіемъ и могуществомъ. Мало-по-малу хитрые купцы успѣли получить отъ Крымскихъ хановъ большія привилегіи, и въ теченіе цѣлыхъ столѣтій богатства Азіи шли въ Генуѣю чрезъ Астрахань и Каффу.

Самое имя Херсона было искажено Италіянцами и другими иностранцами. На Каталанской карты 1375 го-

ду городъ именуется Зурцоною (Zurzona); у Анконца Андрея Бенинказы (въ 1476 году) и у Граціозы Бенинказы (въ 1480 году) онъ извѣстенъ подъ именемъ Джириконды (Giriconda); Фредуціо Хотоманъ (въ 1497 году) называетъ его Джирицондою (Girizonda); а на безъименныхъ картахъ онъ извѣстенъ подъ именемъ Джерезонды и Гурзоны.

Наконецъ Крымскія Греческія колоніи покорились мечу невѣрныхъ. Измѣнникъ Скверчіафико (Sguarciafico) послужилъ поводомъ, что Мухаммедъ II-й послалъ войско, которое 1 Іюня 1475 года овладѣло Каффою, Таною, Менкубомъ и другими Генуэзскими городами, жители которыхъ были отосланы въ Константинополь. Съ этого времени Татарскіе ханы въ Крыму сдѣлались вассаллами султана.

Херсонъ не былъ занятъ Турками; этотъ городъ былъ въ то время столь бѣденъ, что не возбудилъ жадности побѣдителей.

Однако, спустя цѣлое столѣтіе, посланникъ короля Стефана Баторія, Мартинъ Броніовій, видѣлъ еще его башни. Городъ былъ окруженъ очень высокими стѣнами, въ коихъ были многія башни; все построено было изъ большихъ тесаныхъ камней. Въ то время существовалъ еще каменный водопроводъ, длиною въ четыре мили; онъ наполненъ былъ чистою водою, шедшею изъ источника неподалеку отъ берега и монастыря Св. Георгія, гдѣ Крымскіе Греки ежегодно отправляли торжественное празднество въ честь этого Великомученика.

Стѣны и башни города Херсона были удивительной и великолѣпной работы, а самый городъ уже цѣлые вѣка оставался пустымъ, разрушеннымъ и опустошеннымъ. Въ

городѣ существовалъ еще императорскій дворецъ, но уже безъ мраморныхъ и серпентинныхъ столбовъ, а также и другихъ камней, которыми онъ былъ украшенъ. Турки увезли ихъ моремъ для украшенія своихъ собственныхъ зданій. Броніовій могъ видѣть мѣста, гдѣ стояли столпы, за исключеніемъ очень большаго Греческаго монастыря, всѣ храмы и домы совершенно исчезли. У самой церкви монастыря ограблены были ея крыша и всѣ зодческія украшенія. Этой церкви, какъ мы уже сказали, принадлежали бронзовыя двери, увезенныя Св. Владиміромъ Равноапостольнымъ.

Послѣдніе за тѣмъ незначительные остатки Херсона пошли на устройство гавани и стѣнъ въ Севастополѣ — Гибралтарѣ Чернаго моря, воздвигнутомъ на развалинахъ Херсона, между тѣмъ какъ новый городъ въ Екатеринославской губерніи сохраняетъ прозваніе древней Ираклійской колоніи.

Б. КЁНЕ.

(Изъ Журнала Мин. Нар. Просв., 1855. № 11 и 12.)

2007231689